

Трилогия
в одном
томе

Юлия Морозова

Телохранитель для мессии

Москва, 2012

Юлия Морозова

Трилогия
в одном
томе

- Телохранитель для мессии •
- Дорогами Пророчества •
- Знак Единения •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М80

Серия основана в 2005 году
Выпуск 119

Рисунок на переплете
М. Поповского

Иллюстрации
М. Поповского, С. А. Григорьева

Морозова Ю. С.

М80 Телохрани́тель для мессии: Телохрани́тель для мессии; Дорогами Пророчества; Знак Единения/ Послесл. К. Савельева.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 699 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1105-4

Начать жизнь с чистого листа порой так заманчиво. Новые места, новые друзья, новая работа. Но, заключая трудовой контракт, не стесняйтесь уточнять то, что обычно пишут мелким шрифтом. Ведь вполне может случиться, что полный соцпакет и бесплатные курсы повышения квалификации не перевесят того, что «жить на работе» и «вклявывать как проклятый» вам придется в самом буквальном смысле, а командировка и служебный роман могут обернуться концом света.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1105-4

© Морозова Ю. С., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Телохранитель
для мессии •

Мы попали в сей мир, как в силок — воробей,
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

Омар Хайям

ГЛАВА 1

Он был ошеломляюще красив и бесподобен. Формы безупречны, линии совершенны, стиль продуман. Во рту пересохло, стоило мне увидеть предмет своих моральных терзаний. При взгляде на него вспоминалась Древняя Греция с ее поклонением красоте. Своим присутствием он освещал строгое помещение, насмехаясь над нелепым официозом. Его облик вызывал трепет и восхищение. Я не осмеливалась приблизиться к нему из опасения не сдержать своих пылких чувств и...

— Лия, прекратите гипнотизировать выпечку! — бросил заглянувший в приемную шеф. — Где договор с «Натисом» на подряд?

Лия — это я. Аурелия, если быть точной. Мое полное имя в переводе с латинского означает «золотая». Специально узнавала, чтобы иметь достоверные данные, за что именно страдаю. Выяснилось, что оригинальное имечко кроме меня гордо носили некое беспозвоночное и корабельная смазка. В детстве с именем пришлось изрядно помучиться (что я плохого своим родителям сделала?!). Разнообразных кличек хватало. Рейка и Рельса не прижились исключительно по причине моей упитанности. К пятому классу, когда я пошла в новую школу, назрела настоятельная необходимость имя укоротить. Лия — простенько и со вкусом. Мне нравится.

В этом просторном помещении — жертве евроремонта — я, сидя за столом на видном месте, добросовестно тружусь офис-менеджером. Моя должность представляет собой противоестественную смесь секретаря, завхоза и инспектора отдела кадров. Суровый мужчина с кустистыми, сердитыми бровями и взглядом древнеегипетского надсмотрщика за рабами, настойчиво требующий от меня ответа, — наш директор. Обрушев Петр Александрович. Прошу любить и жаловать.

Запрашиваемый договор находился где ему и положено: на визировании у юристов, о чем директор был заранее проинформиро-

ван. Впрочем, напоминание с моей стороны не помешало. Про развивающийся склероз руководящего аппарата тактично промолчала.

«Шеф не забывает, шеф просто не засоряет свою память излишней информацией». Внутренний голос. Скабрзник, язва и сплетник. За что люблю, не знаю.

Вырвать из загребущих рук юридической службы искомую бумагу раньше чем через четыре часа — подвиг, достойный войти в анналы истории нашей фирмы. Начальство, ошастливленное этими сведениями, неопределенно хмыкнуло в раздумье, не потребовать ли от меня деяний Геракла. Но, не выдержав взгляда моих преданных глаз, оно скрылось в недрах собственного кабинета для обдумывания мести коварным подчиненным.

— Между прочим, до конца обеденного перерыва целых двадцать минут! — Демонстративно высунутый язык в сторону захлопнутой двери помог восстановить пошатнувшееся самообладание.

Я попыталась взять себя в руки и все-таки закончить письмо по-друге, но мой взгляд вместо монитора вновь притянул по-царски расположившийся посреди рабочего стола огромный кусок торта «Пьяная вишня». Еще недавно он был частью грандиозного трехкилограммового сооружения, которое принесла наш маркетолог в честь своего двадцать пятого дня рождения. Валентина юбилей отмечать не хотела, но бдительные коллеги (приложила руку, каюсь) не дали зажать праздник. Госпожа Евменова откупилась десертом, пообещав при первом удобном случае отметить событие с размахом. Зная Валю, подозреваю, что сей знаменательный момент сопадёт акkurat со следующим Новым годом.

Живот отзывался на присутствие сладкого искушения низким, недовольным урчанием. Как только у некоторых бесчувственных личностей язык поворачивается называть это произведение искусства банальным словом «выпечка»?! Разве может передать невыразительное определение всю прелесть воздушных сливок, скрывающих пропитанный ликером бисквит, который одним своим видом вызывает у меня непроизвольное слюноотделение?

И почему именно сегодня мне пришло в голову сесть на диету?

Ответ заключался в чудесной черной юбке, сшитой на заказ. Эта деталь туалета входила в комплект строгого повседневного костюма, придававшего мне весьма презентабельный вид. Но вся моя представительность оказалась под угрозой. Пуговица, несмотря на все уговоры, отказывалась застегиваться, а замок — сходиться. Знато я отъелась за зиму! Денег не было ни на покупку нового костюма, ни на посещение ателье, и я приняла судьбоносное решение о сокращении рациона.

«Это только начало, — тоскливо подумала я. — Впереди еще Восмое марта».

Торт немым укором простоял до конца рабочего дня, призванный воспитать во мне силу воли. Та почему-то возвращению не поддавалась. Душевные страдания достигли пика, стоило мне представить, как уборщица заглядывает в холодильник и, видя там беззащитный торт, набрасывается на него с алчным блеском в глазах...

«Не бывать этому!» — подумала я и побежала ставить чайник.

Унылые, одинаково серые пятиэтажки проносились за окном маршрутного такси номер тринадцать, одинокие прохожие безысходно месили весеннюю грязь. Весна, нагрянувшая с внезапностью налоговой проверки, совсем не красила город, который из приблизительно белого вдруг стал грязно-серым с мутными подтеками луж. Озябшие, чумазные воробы на остановках дразнили неповоротливых голубей, таская у них из-под носа накрошенную жалостливыми старушками еду. Обрывки облаков в цвет талого снега засорили небосвод.

Стоило ослабить бдительность, как свирепо набросилось запоздавшее раскаяние в содеянном. Напрасно я выбрала этот маршрут. Нужно было поехать на «четверке» через красиво украшенные центральные улицы, чтобы меня затянула предпраздничная суета, а пестрящие по обеим сторонам рекламные щиты отвлекли от невеселых мыслей. Острый приступ самоедства не стеснялся присутствия посторонних лиц. В раздумьях о бесславном крушении моих грандиозных планов настроение из плохого превращалось в мерзопакостное. Даже верное чувство юмора, которое не раз выручало, стало мне изменять.

Это было хуже всего.

Для полноты ощущений надлежало вспомнить о грядущем дне рождения, который прибавит мне еще один год. Согласитесь, не повод для радости, если ты особа женского пола. Прошедший год не соизволил порадовать меня приятными и разнообразными событиями, чтобы пытаться его удержать. Из динамиков на смену незапоминающейся попсовой песенке в салон маршрутки хлынул требовательный голос Виктора Цоя.

«Перемен — требуют наши сердца!» — поставил он в известность пассажиров.

«Перемен — требуют наши глаза!» — не дождавшись ответной реакции от тупо уставившегося в окна люда, уточнил солист группы «Кино».

Хотелось бы. Но откуда им взяться? Переменам-то.

«Перемен! Мы ждем перемен!» — начала подпевать про себя я,

покидая маршрутку и заранее зная, что от прочно засевшей в голове песни уже не избавиться.

Щедрый дождь грязных брызг из-под колес иномарки окатил меня с ног до головы и стал последней каплей в чаше терпения. Плюнув на поруганную диету, я на последние деньги отоварилась в ближайшем ларьке отвратительно калорийными продуктами и отправилась домой.

Моя дорога лежала через парк, по виду напоминавший заповедник для маньяков. Угрюмые тополя перемежались с чахлыми рябинками. Центральную дорожку осаждали заросли кустарника, разглядеть сквозь которые что-нибудь даже при полном отсутствии листвы было невозможно. Гравий настораживающе скрипел под ногами. Картина становилась еще более удручающей в спускающейся на город темноте. Редкие фонари даже не делали попыток исправить положение тусклым освещением. Но пять с половиной лет — достаточный срок, чтобы привыкнуть к чему угодно. Не доверяйте первому впечатлению. Никакого криминала, в отличие от центрального городского парка, здесь отродясь не водилось. Но некоторым его подобием наша лесопарковая зона все же могла похвастаться.

Первая достопримечательность — тихий наркоман Леша, который при ограблении очень вежливо и интеллигентно просил отдать какую-нибудь вещь. Опытные жертвы, подвергавшиеся разбойному нападению не в первый раз (к незнакомым людям он стеснялся подходить), отдавали имущество без боя. На следующий день сердобольная бабушка горемыки с многочисленными извинениями все возвращала. Обеспеченные родители, постоянно мотающиеся по загранкомандировкам, раз в год обязательно сдавали неразумное дитяtko в хорошую лечебницу. Лечение стоило дорого, но все же обходилось дешевле, чем оплата Лешиних подвигов и потраченные нервы. Правда, результатов оно не приносило.

Вторая достопримечательность — эксгибиционист, пожелавший остаться неизвестным. В зависимости от времени года на нем поверх фривольного белья были накинуты либо шубка, либо плащик по последней моде. Вот и сейчас он ненавязчиво терся невдалеке, робко выглядывая из-за пушистой елочки. Завистливый вздох вырвался из груди, когда я разглядела очередную новинку гардероба. Белое пальто, украшавшее сегодня нашего маньяка, приковало меня в прошлую субботу к витрине центрального универмага почти на час. Но чтобы его купить, на три месяца мне пришлось бы отказаться от еды, ходить на работу пешком и задолжать значительную сумму ЖЭКу.

«Ничего. Белое полнит». Утешает.

Я приветливо помахала знакомой фигуре в белом. Вместо того чтобы вежливо ответить на приветствие, он шарахнулся от меня как от чумной. Пять лет с гаком прошло, пора забыть старые обиды.

...Не совсем трезвая, вернее, совсем нетрезвая первокурсница-заочница, которую доброжелательные коллеги надоумили в своей теплой компании обмыть первую удачно сданную сессию (учебы не будет!), возвращалась проторенным путем домой. На несчастье местного криминала, это была моя первая пьянка с таким размахом. Бокал шампанского или легкого вина по праздникам не в счет.

Снег нежными хлопьями планировал сверху, задерживаясь на ресницах и шапке. Я глупо хихикала, пытаюсь стряхнуть налипшие осадки. Ноги постоянно отклонялись от курса, вместо прямой линии получался скособоченный зигзаг. Когда меня занесло на очередной вираж, навстречу выпрыгнула, гостеприимно распахнув норковую шубку, наша достопримечательность. Шуба длиной до пят, сияющая антрацитовым переливом в изменчивом лунном свете, поразила меня в самое сердце. Если бы сознание не дрыхло хмельным сном, может быть, фактор неожиданности и сыграл бы ему на руку, а так...

— Нашел чем гордиться! — презрительно фыркнула я, окидывая пренебрежительным взглядом дорогущий прикид. И обошла его с видом королевы в изгнании, величественно поправляя пальто с вылезшим и пожелтевшим от времени песком на воротнике.

За спиной раздались сдавленный писк и обиженные всхлипы. Снег скрипел и кусты трещали под торопливо удаляющимся горе-извращенцем. Вслед ему неслось мое хихиканье, быстро перешедшее в хохот, неприлично громкий в притихшем парке, — я наконец сообразила, как было воспринято мое высказывание. Но каждый понимает в меру своей испорченности. Я-то про шубу говорила! Нечего выпендриваться, тогда бы обращали внимание на другие части тела. Хотя, скажем прямо, хвастаться там нечем...

На этом приятные воспоминания заканчивались. Попало мне в тот раз! Узнала о себе много нового. Недаром один из многочисленных Бабулиных поклонников каждый раз, когда бывал у нас, спрашивал, не боится ли она порезаться бритвой, заменяющей мне язык. Мучительная бессонная ночь в обнимку с тазиком на всю жизнь отбита у меня охоту к возлияниям такого рода.

От запаха национального сорокаградусного напитка воротит до сих пор.

Парк закончился, наш двор открылся во всей красе. Кособокие качели надрывно сипели, перетягиваемые двумя пацанами. Кто-то проводил подводные раскопки в затонувшей песочнице. Из-за повышенной чумазости опознать чадо было затруднительно. Если су-

дить по шапочке с помпоном, цвет которой с трудом определялся как красный, можно предположить, что это Олька, дочка моей одноклассницы. Но не поручусь. Большинство детей с деликатностью бульдозеров носились по лужам. После купания на остановке моему пуховику было уже ничто не страшно, поэтому я бестрепетно пересекла площадку, игнорируя безопасный обходной путь.

Баба Маша, как всегда, бдела на посту. В горячую пору возвращения народа с работы крепкая, как гриб-боровик, старушенция дежурила на лавочке возле нашего подъезда при любой погоде. Единственный раз на моей памяти ее не оказалось на месте — бесконечный сериал бабы Маши перенесли на такое неудобное для нее время. К сожалению, любящий внук осчастливил бабушку видеомагнитофоном, пользоваться которым она научилась на удивление быстро. И теперь только ураган мог согнать с насиженного места бдительную бабульку. Но в отсутствие столь неблагоприятных погодных условий проверить эту версию еще никому не удалось. В погожие деньки к посиделкам присоединялись многочисленные старики и старушки из окрестных подъездов. Тесным кружком они перемывали кости проходящим мимо соседям. Те не имели альтернативы в виде черного хода, которым очень хотелось воспользоваться при взгляде на эту честную компанию.

Безнаказанно проскользнуть в подъезд, скороговоркой пробормотав «здрате», не получилось.

— Когда замуж пойдешь, Лийка? Годики, поди, не убавляются, — завела свою обычную песню «ум, честь и совесть» нашего двора.

— Как только — так сразу, баб Маша. Некогда мне.

— Что сказала бы Лидия Ивановна, мир праху ее, если бы знала, что внучка ее до сих пор в девках ходит?

Оставив без ответа заявление бабы Маши, я начала восхождение на пятый этаж, раздумывая над ее словами. Вот кто бы точно слова против не сказал, так это Бабуля. Она всегда уважала чужое мнение, даже если оно было диаметрально противоположно ее собственному. Этой осенью ее не стало, и моя жизнь с тех пор была подобна сыру, из которого нахальные мыши выгрызли громадные куски.

Я сирота. Родителей, которые не вылезали из археологических экспедиций, совсем не помню. С двух месяцев я, как цыганка с табором, кочевала от одной бабушки к другой. Даже сейчас, когда смотрю на фото в рамке, мне трудно представить, что такие похожие, коротковолосые, улыбающиеся мужчина и женщина — мои мама и папа. Когда они погибли во время очередной экспедиции, это мало затронуло пятилетнюю меня, разве что наконец-то появилось постоянное место проживания. В Гималаях был сход ледника, тела так

и не обнаружили. Тогда много писали об этом. Известные археологи, какая потеря для науки и так далее и тому подобное. Обычный газетный треп. Статьи еще где-то сохранились.

Несмотря на эти задокументированные факты, по нашему двору гуляло, не без деятельного содействия бабы Маши, три версии моего сиротства. По первой мой отец обесчестил мою мать и скрылся, а та не выдержала позора и преставилась при родах. Вторая туманно намекала на мое интернатское происхождение. И, наконец, третья основывалась на том, что Бабуля отобрала меня у пропащей (пила, курила, была неразборчива в связях) племянницы, которая отбывает свой второй тюремный срок за разбойное нападение.

Эти слухи плодились на благодатной почве. Лидия Ивановна была бездетной теткой моей мамы, и гостила я у нее практически с пеленок. Родственники со стороны отца не горели желанием взваливать на себя тяжкое бремя. И она, не побоявшись трудностей, оставила у себя внучку покойной сестры. Бабулей я ее называю просто по привычке.

Покойная принадлежала безвозвратно ушедшей эпохе, обладала своеобразным чувством юмора и стилем. Мне она часто снится такой, какой была при жизни: всегда элегантно одета (халаты в цветочек ею никогда не признавались), в зубах мундштук с сигаретой «Полет», на голове — безупречно уложенная прическа (в последние годы, когда у Бабули совсем стало плохо с руками, артрит замучил, это была моя святая обязанность). В наследство от нее мне достались двухкомнатная хрущевка и многочисленные знакомства с людьми старшего пенсионного возраста. В Бабулиной комнате все осталось как было при ней, начиная от аккуратно заправленной кровати и заканчивая старыми фотографиями в потерто-коричневых рамках на комод. Особенно часто я приходила туда в первое время после похорон, чтобы окунуться в атмосферу ее незримого присутствия. Приходилось тяжело, но сейчас ничего, пообвыкла. Остались только сны с ее участием. Грустные. Забавные. Разные. Но всегда тревожащие.

...Мягкое кресло с регулирующейся спинкой и овал иллюминатора, радующий взор каким-то морским пейзажем с высоты птичьего полета, не компенсируют неприятных ощущений в «заложенных» ушах. Желудок в холодеющем животе отказывается реагировать на ловящий воздушные ямы самолет столь же быстрым движением. Ко мне наклоняется предупредительная стюардесса в идеально сидящей униформе. На передвижном столике одиноко томится пузатая рюмка коньяку.

— На посошок? — весело предлагает бортпроводница.

Я перевожу взгляд с едва покачивающейся жидкости благородного коричневого цвета на девушку и от неожиданности просыпаюсь. Это Бабуля...

Трезвон моего старенького, раздолбанного телефона был слышен еще на лестничной площадке. Запыхавшись, я успела в последний момент схватить трубку надрывающегося аппарата и умудрилась повалить при этом все что было возможно в тесной прихожей. К моему огорчению, звонил не постоянный заказчик, жаждавший вручить мне на перепечатку свой диссертационный труд, а ближайшая подружка Наташка. Она находилась в декрете, а поэтому возжелела новостей с нашей общей работы. Пришлось подробно отчитаться перед испытывающей информационный голод Натальей. Ей были преподнесены свежайшие сплетни, полученные из надежных рук Лизки, младшего бухгалтера, обладающей сверхъестественным нюхом на намечающиеся романы.

Новости у меня быстро закончились, поэтому дальше намолчавшаяся за день подруга уже говорила сама, исполняя радиопостановку на злободневную тему «Я и моя свекровь» и довольствуясь моими ответными редкими «угу», «не может быть!», «да что ты говоришь!». Трубка, прижатая к уху плечом, не мешала мне заниматься текущими домашними делами, радиус которых ограничивался длиной провода. Поваленные вещи возвращались на законные места, пуховику придавался первоначальный вид (хотя бы такой, как утром). К тому времени как подруга выдохлась (всего-то через полчаса), куртка уже была отчищена.

Повесив трубку и еще раз вздохнув об отсутствии дополнительного приработка, а значит, и денежных вливаний в мой бюджет, я последовала на кухню. Плакала моя диета.

«Второй день на диете самый легкий, потому что мало кто выдерживает первый». Мой случай.

Я рассовала покупки по шкафам, и на столе остался только пакет с размлевыми по недосмотру пельменями. Кран чихнул, недовольно побурчал, но тоненькой водной струйкой все-таки одарил.

— Горячее сырым не бывает, — философски изрекла я, бросая в кипящую воду ком слипшегося мяса и теста.

Давно доказано, что готовка не моя стихия, — на кухне всегда царила Бабуля. После ее смерти я предпочитала обходиться полуфабрикатами, которые не требовали сложного священнодействия.

Как-то на заре трудовой деятельности по случаю празднования Дня строителя мной была принесена вольная вариация на тему салата «Цезарь». Наш директор снимал пробу со всех блюд, бессовестно пользуясь своим служебным положением. Отведав ложку мое-

го угощения, он отдышался кое-как, от продолжительного кашля на глазах выступили непрошеные слезы. Этот страстный любитель острой кухни, в другое время радостно хрустевший кайенскими перчиками, категорично сказал, что всему должен быть предел. До конца гулянки салат украшал своей нетронутостью стремительно пустеющий стол. С того памятного случая на все корпоративные мероприятия я просто скидываюсь на спиртное.

Зато кофе варю потрясающий.

Ритуал просмотра девятичасовых новостей не добавил хорошего настроения. Серьезный дяденька в костюме-тройке доводил до моего сведения, сверяясь с лежащей перед ним бумажкой, информацию следующего содержания. Террористы опять где-то что-то взорвали, за что власти грозились страшно отомстить, если кого найдут. У многострадального Владивостока снова перебои с электроэнергией. Братья-славяне конфликтовали с народными избранниками, настойчиво у тех интересуясь, какой именно народ их избрал. Америка не могла остаться равнодушной к Ближнему Востоку. Рубль медленно сползал вниз, несмотря на все усилия Центробанка. После продолжительной рекламной паузы большую часть экрана заняла дородная, жизнерадостная физиономия спортивного комментатора, которая радостно сообщила, что сборная по футболу продула с разгромным счетом, сборная по волейболу — тоже, а теннисист Кафельников не смог выступить из-за травмы. За спортом пришла очередь погоды. Красавица в практически невидимой юбке (чтобы никто не усомнился в длине ее ног), ослепительно улыбаясь, тыкала в экран позади себя, озвучивая гадания Гидрометеоцентра.

Все как всегда...

Я выключила телевизор, пока жить не опротивело совсем, тем более что моего внимания ждал ранее взятый на дом заказ. Бодрое клацанье клавиатуры сопровождалось орущей за стеной музыкой. К счастью, пятнадцатилетняя соседка не отличалась экстремальностью музыкальных вкусов. За три года ее полового созревания я уже привыкла и обращала внимание на надрывающийся магнитофон не больше чем на мерное урчание холодильника. Последний удар по клавише совпал с наступлением тишины у соседней. «Оксанку спать погнажи», — подсказал мой трехлетний опыт.

— Пожалуй, достаточно. — Я с хрустом потянулась и взглянула на часы в углу монитора. Они показывали первый час ночи.

Компьютер натужно кряхтел, пытаясь сохранить данные. На экран выпрыгнуло окошко с издевательским сообщением об ошибке, доводя до сведения, что половина работы пошла псу под хвост.

— Чтоб тебя! — Не хватало еще разреветься и назавтра щеголять опухшим лицом.

От греха подальше я решила лечь спать.

На толстенную книгу о мальчике-волшебнике сил уже не хватило. Ни моральных, ни физических.

— Аурелия, — Бабуля тихонько трясла меня за плечо, — вставай, девочка. Тебе пора.

Глаза распахнулись и незряче уставились в темноту спящей комнаты. Сон был настолько реален, что я очнулась. Странно. Очень странно. Я сплю крепко. Нет, не так — я сплю очень крепко, и разбудить меня трудно. Успешно, а главное — быстро с этой задачей справлялся лишь будильник, обретающийся в нашей семье без малого пятьдесят лет. В его нутре рождалось достойное оповестить о конце света дребезжание — настолько громкое, что его было слышно у соседей. Те даже не заводили свой будильник, полностью доверяя побудку моему чудовищу.

Окутывающая меня темень не была столь непроглядна. Подозрительные вспышки и треск вырывались из-под двери Бабулиной комнаты.

«Проводку закоротило!» — сверкнула мысль, озаряя темноту еще спящего мозга.

За несколько секунд в голове пронеслось все увиденное когда-либо о жертвах пожаров. Погорельцем быть жутко не хотелось: халупа какая-никакая, а другой нет и не светит. Несообразное тело устремилось в соседнюю комнату, откуда доносились шумы и нахально сверкало, с намерением отстоять родную жилплощадь. Зря, конечно. В смысле хотя бы халатик накинула. Как гласит народная мудрость, знала бы, где упасть, соломки подстелила бы. Дверной проем втянул вяло сопротивляющееся тело с силой всасывающей турбины. Глаза трусливо зажмурились перед бездной слепящего света. Появилось скверное ощущение, как будто меня спеленали, заткнули рот и приложили хорошенечко по голове.

Свет.

Льдисто обжигающий, болезненный до удовольствия. Он мчитя через слепоту к прозрению. Свивается в спираль воронки, вбирающую мироздание. Острой кромкой слепящего лезвия отсекает лишнее. Взрывается мириадами звезд.

А позади та, без которой нет Света. В терпеливом ожидании. Заботливо окутывающая. Она многозначительно молчит, баюкая Миры в своих объятиях.

Тьма...

Ой!

• Дорогами
Пророчества •

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не пожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

Омар Хайям

ГЛАВА 1

Голоса во Тьме. Тихие. Громкие. Сильные. Слабые. Мужские. Женские. Разные... Они звучали соло. Сплетались в дуэты. Сливались в трио. Растворялись в хоре. Множество и множество голосов, тонущих в багровых глубинах Тьмы. И лишь немногие удерживались у поверхности, пробегая по ней рябью отголосков...

— *Ее нашли?..*

— *Нет.*

— *Какие-нибудь следы?..*

— *Нет.*

— *Но поиск продвигается?..*

— *Нет.*

— *Это радует.*

Она была довольна...

— *Поднимайся! Живо!!!*

Наполовину приоткрытый левый глаз обозрел окружающую тьму. Высунутый из-под плаща нос оценил температуру воздуха как «некомфортную». На основании сделанных наблюдений сознание отказалось просыпаться категорически.

— Я уже дежурила. Второй раз — даже не надейтесь. — Плащ был вновь натянут до бровей.

Чьи-то жестокие руки бесцеремонно лишили меня импровизированного одеяла. В процессе борьбы за его возвращение я проснулась окончательно.

Птицы будили солнце звонкими голосами. Предрассветная промозглость заставляла двигаться быстрее. Вещи непонятным образом размножились за ночь и никак не хотели уместиться в сумках. Заседать лошадь удалось лишь с четвертой попытки — исключительно благодаря редкому терпению и покладистости животного.

Кирина быстро и методично уничтожала следы нашего ночлега.

Ее подруга суетилась поблизости, скорее мешая, чем помогая. Однако обе девушки выжидающе помалкивали, предоставляя мне возможность высказаться первой.

— Хорошо, я иду с вами, — озвучила я решение, выстраданное накануне.

Их реакция меня несколько разочаровала. Девушки проявили редкостное спокойствие и не стали бурно выражать свою радость, хотя могли бы — все-таки не каждый день к ним в попутчицы набиваются Вседержительницы Великих Империй.

«*Это кто же такая?*» Для зануды внутреннего голоса (и не только для него) приведу краткую биографическую справку.

Аурелия Иннокентьевна Каховская — если верить паспорту, Лия — для знакомых и друзей. Сова по натуре, жаворонок лишь по суровой необходимости. Возраст: двадцать лет с небольшим хвостиком (думаю, не стоит уточнять его длину). Образование: неполное высшее. К уголовной и административной ответственности не привлекалась. Да и вообще отличалась крайне покладистым, спокойным характером до тех пор, пока не сменила в принудительном порядке родной мир на этот, где в нагрузку к обременительному статусу Избранной получила сомнительную работенку по спасению человечества, кучу проблем на свою непутевую голову и новое имя. Много новых имен: Императрица Лия Тиланская, в девичестве ди Триан, супруга Его Императорского Величества Дэрриша Первого, Предсказанная Избранная, Будущая Мать мессии и другие, начинающиеся с заглавной буквы. Так уж сложились обстоятельства¹, что в данный момент я нахожусь в бегах в компании двух последовательниц местного феминистического движения и отзываюсь на еще одно новое имя — Рель.

«*А девушки в курсе, с кем им посчастливилось путешествовать?*» Честно признаться, нет...

Непримиримые разногласия настигли нас при определении судьбы Морковки. Кирина не горела желанием брать ее с собой, настаивая на возвращении лошади в лоно матушки-природы. Я в свою очередь категорически отказывалась это сделать, апеллируя к тому, что в лесу полно страшных хищников и оставлять тут мою лошадку просто преступно. Кроме того, я успела к ней привязаться, дала имя, и если они хотят видеть в своей компании меня, то придется полюбить и моего товарища, коим, несомненно, являлась Морковка.

— Вы только подумайте, сколько от нее пользы! На лошадь мож-

¹ Если уважаемого читателя вдруг заинтересовало, что это были за обстоятельства, то он всегда может обратиться к книге «Телохранитель для мессии». — *Здесь и далее примеч. авт.*

но погрузить припасы, ехать на ней по очереди, если кто устанет. Не дай б... Единый, кого ранят, так и раненую можно везти, — жизнерадостно увещевала их я.

В конце концов пришлось пригрозить отказом от путешествия в Неран, и им ничего не оставалось, кроме как согласиться. Затянувшиеся сборы были наконец-то закончены, и мы двинулись в путь.

Наличие у Кирины некоего потрепанного пергамента с подробным планом местности меня приятно удивило.

«*Неранские лазутчицы не одно столетие работали над данной картой, не щадя живота своего?*» Не иначе.

Изучая на ходу карту, она бросила:

— Еще примерно с полдня будет довольно пустынно и спокойно. Зато потом помаемся — начнутся земли графа Бира! Эта богинепротивная скотина хорошо известна нетерпимостью к... таким, как мы.

В имени Бир слышалось что-то смутно знакомое. Произнесенное вслух, оно оставило послевкусие надежности с легким оттенком наивности.

Почему Его сиятельство взъелся на таких праздношатающихся граждан, как мы?

«*Неранки девок свели?*» Не исключено.

Мне стало интересно, сколько народу они уже поуводили на Остров, как меня и Эону, и я поспешила поинтересоваться у последней:

— Скажи, как отнеслись родные к тому, что ты ушла с Кириной?

Эона переглянулась с подругой. Та неопределенно передернула плечами: мол, хочешь — рассказывай.

— Да никак. Они ничего не узнали... — Светловолосая запнулась и, покраснев, затеребила кончик перекинутой через плечо косы. — Лерад — город портовый, забавы без моря не обходятся — тут и у последнего перекупщика хотя бы утлое суденышко, да найдется. А папаша мой так сразу на причал замахнулся: чтоб все как положено, и гребцы при деле. Почитай, через день на морские прогулки выходили, если погода позволяла. Но за борт упасть и при полном безветрии немудрено. Умеючи-то.

— Твое брэнное тело, конечно, не нашли, — догадалась я. — А обнаружили какую-нибудь приметную вещичку.

— Примерно так. — Девушка перестала мучить косу, раздраженно отбросив ее за спину. — Кирина помогла мне проплыть под водой до берега, там рифы недалеко совсем. Само собой, шуму, визгу, крику было — оглохнуть! До поздней ночи пловцы ныряли, даже на дне поискать нежитника позвали. А он утопленника какого-то из-под воды вытащил да этим всех спасателей и распугал. Мы не дуры,

тоже стрекача дали, а наутро спокойно подбросили на берег платок и туфлю. Все равно вторая утопла.

— Разве тебе не жаль родителей?

— Жаль, — с вызовом во взгляде подтвердила Эона. — Но девок на выданье у них еще три да одна, а мне по-другому не убежать было. Отец удавился бы, но насмешек над собой не потерял. Последнее бы отдал, чтоб дочь непутевую вернуть и позора не допустить.

Здравая мысль.

«*Неран только так пополняет свои ряды?*» Вряд ли. Замучаешься каждый раз таскаться в Тилан и устраивать подобные представления.

Я разрешила свои сомнения посредством нового опроса.

— Кирина, а у вас на Острове что, совсем нет мужчин?

Морковка шарахнулась в сторону от хохота, которым разразилась неранка. Его осколки задели Эону, тут же захихикавшую следом.

— Имперские предрассудки! — Каштановые кудряшки подпрыгивали в такт иканью и всхлипам. — Есть, есть у нас мужчины! И живется им получше, чем некоторым женщинам. Тут ходят слухи, что мы ужасно над ними издеваемся, порем до смерти, обращаемся как с животными. Большой чуши, клянусь Богиней, я не слышала! Возможно, их у нас не так много, как женщин, и им приходится выполнять всю тяжелую работу...

— Вот это правильно, — поддакнула Эона.

— Но только тем, кто не способен делать что-либо другое, — поспешила уточнить Кирина, заметив скептическое выражение моего лица. — К тому же основные обязанности лежат на женщинах: мы защищаем наш Остров, охотимся, в море на промысел выходим, принимаем важные решения.

Бедные мужики! Нелегко им приходится, если судить по тому, как убежденно говорила неранка. Но оставался еще один вопрос, который мне не терпелось задать.

— Если у вас есть мужчины, почему вы постоянно пробираетесь в Империю за новыми девушками?

Кирина ненадолго замаялась, но все же ответила:

— С каждым годом все меньше сестер готовы на добровольную попытку беременности. Ведь это такая потеря времени! Девять месяцев вынашивания и хотя бы четыре до того, как можно передать малыша на воспитание няньке-мужчине. Да прибавь еще парочку месяцев на восстановление формы. А какое разочарование для матери, когда рождается мальчик! Обычно вынашивание ребенка назначается Мудрейшей как наказание провинившейся дочери.

«*Забавное место, не находишь?*» Да уж, забавное. Боюсь, только

мужикам, вкальвающим на благо матриархата подобно рабам на уборке сахарного тростника, не до смеха. Знали бы неранки, как научить мужчин рожать, — те рожали бы как миленькие.

Сумрак ельника остался позади. Полуденное пекло растекалось по полю. Разморенное жужжание насекомых лезло в уши. От одуряющих сладковатых ароматов разнотравья тягучая, как сахарный сироп, слюна в пересохшем рту приобрела тот же приторный вкус. Тело под взмокшими бинтами нещадно чесалось. Сверкание речной воды сквозь заросли остролистой бузины сулило утоление жажды и прохладу. Ноги сами сбежали по некрутому спуску к речке. Галька закрипела под копытами Морковки, на удивление куда осмотрительней своей хозяйки выбирающей тропу. Речка весело мчалась на восход, взбивая на перекате белую пену. Любопытные мальки сновали в мелкой заводи у берега. Мои руки нырнули в свежесть, заставив серебристых рыбешек кинуться врассыпную. Прохладная влага, выплеснутая горстями в лицо, почти смыла усталость.

«Помоги ближнему своему».

— Рель! Мерзавка ты эдакая! — взвизгнула Кирина, окаченная водой из котелка, незаметно отцепленного мной от седельных сумок.

Эона тихо хихикала, радуясь, что еще не успела спуститься.

Я не стала дожидаться мести, а лишний раз продемонстрировала собственное превосходство над безлошадными спутницами. Как полноправная хозяйка Морковки, вскарабкалась в седло и переехала через речку со всеми удобствами. Даже ног не замочила, так, слегка забрызгала. Спутницам же пришлось разуваться, закатывать штанины, медленно и осторожно шагать, опасаясь коварства скользких речных гольшей.

— Убедились теперь, как это удобно, когда в отряде есть лошадь? — не смогла удержаться я от мелкого торжества.

— Потихе можно? — осадил меня Кирина. — Графские земли не место для дешевенькой показухи.

Я пристыженно слезла с лошади, за что тотчас пострадала, вымоченная в четыре руки. Мечь моя была страшна! Особенно с котелком. К заключению перемирия с нашей одежды лило ручьем. С таким же успехом речку можно было пересечь вплавь, не изводясь в поисках брода. Тем временем Морковка, не дожидаясь окончания водных баталий, попыталась продолжить путь в гордом одиночестве. Начать самостоятельное путешествие ей помешал повод, запутавшийся в корнях поваленной ели.

— Что, живых волков давно не видела? — попеняла я, разбираясь в хитросплетении корневича.

«Не видела», — тряхнула мордой кобылка.

— Я тоже. Только на картинке.

Повод резко поддался, и я схватилась за горячую влажную лошадиную шею, уберегаясь от падения на выворотень.

— Хватит с лошадьёю обниматься, — недовольно пробурчала темноволосая. — Идти пора.

Одежда быстро высохла на не по-августовски жарком солнцепеке. Кирина не придерживалась проторенных дорог, предпочитая овраги и перелески. Она шла чуть впереди, не утруждаясь приглядом за отстающими. За ней осторожно ступала Эона, в отличие от подруги постоянно бросающая настороженные взгляды через плечо. Замыкали процессию мы с Морковкой. Последняя безропотно везла вещи, однако и я не бездействовала. Руки машинально дергали попадающуюся под них лекарственную траву. Учитывая, что любая флора при определенных условиях оказывалась целебной, полезной растительности уже набрался приличный пук. Горький сильный запах случайно размятых стеблей дудика, отпугивающий даже бесцеремонных мошек, не мешал лошади покушаться на собранный букет. Зато мешала хозяйка, стегавшая предметом вождения по нежному лошадиному носу.

Ладные, белоствольные березы распавшимся хороводом встали за неглубоким овражком, где кустился усыпанный крупными желтыми цветами девясил. Едва наша компания надумала скрыться в светлом березняке, раздался густой мужской бас:

— Оставайтесь на месте, если хотите сохранить свои жалкие жизни!

«*Коронная фраза всех разбойников?*» Местный колорит. Прежде чем заняться своим нелегким ремеслом, они выучивают ее назубок, чтобы при случае сверкнуть этим перлом человеческой мысли.

Впрочем, я ошиблась. Вовсе не работники ножа и топора почтили нас вниманием. Прятавшиеся в лесу и окружившие наш небольшой отряд люди были воинами какого-то лорда, о чем свидетельствовала их форма, и пусть меня хорошо побьют палками, если это не помянутый Кириной граф Бир. Но на этом сюрпризы сегодняшнего дня не закончились: вслед за своими людьми на знакомом вороном коне выехал не менее известный мне Алестатор рю Дортонер, второй сын графа Бира.

Можно по-простому — Лесь.

Мой первый и единственный поклонник в этом чертовски странном мире.

Руки разжались, и с таким тщанием оберегаемые от здорового аппетита Морковки травы посыпались на землю.

Сказать, что я была удивлена, — значит погрешить против исти-

ны. Ошарашена, изумлена, поражена — вот более верные слова, характеризующие мое состояние при встрече с Лесем. Еще более удивительное впечатление рыцарь произвел на неранок. Обе девушки враз остолбенели, безропотно позволив себя разоружить. Их глаза неотрывно следили за каждым движением молодого человека.

«А еще говорят, что любви с первого взгляда не бывает». По симптомам больше на приворот похоже. И очень сильный.

Двое мужчин рылись в сумках, притороченных к седлу Морковки. Та нервно всхрапывала и пыталась кусаться. Слезы бессильной злости наворачивались на глаза при взгляде на то, как чужие грязные ручищи хватали мои личные вещи, а похабные комментарии и смешки сопровождали появление каждого предмета. Остатков самообладания хватило на отвод глаз обыскивающему меня стражнику. Сила ласково струилась по коже, не давая беспардонным лапшам меня коснуться. Благодаря этому несложному, но весьма энергоемкому заклятию отряд пребывал в счастливом заблуждении относительно моего истинного пола.

— Да это ж парень! — ощупывая воздух вокруг меня, поразился седоусый, потрепанный жизнью дядька.

Еще один всплеск Силы — другой стражник, призванный в качестве независимого эксперта, согласно закивал, задумчиво потирая плешь.

— И правда. Заморочили бедняге голову, оторвы! — Он зло пихнул в спину стоящую рядом неранку. — Наобещали небось жизнь райскую. Ничего, малец, быстро думалку на место приставим. Если надо, то и розгами поможем.

Мое согласное мычание и растерянный взгляд возвысили мужчину в собственных глазах до освободителя и поборника обиженных, то бишь угнетенных. Впрочем, отобрать Неотразимую и жестко связать мне руки за спиной стражники не побрезговали.

— В путь, — хмуро скомандовал Лесь, разворачивая коня.

Очень вовремя. Энергии вряд ли хватило бы на пару-тройку таких обысков.

Солнце, просачиваясь сквозь негустую листву, слепило глаза. Вспугнутые сойки с разудалым геканьем сопровождали отряд, живо перескакивая с ветки на ветку. Потревоженные болтушками пеночки спешно покидали ставшие вдруг беспокойными кроны. Нос, зачесавшись, не думал успокаиваться. Докучливые мошки лезли в глаза. Связанные руки ничем не могли помочь и лишь добавляли мучений, а пот, каплями сбегая с висков, закатывался за воротник. Идти, не имея возможности хоть изредка взглянуть себе под ноги, когда постоянно тычут чем-то острым в спину — редкое «удо-

вольствие». Тем не менее есть смысл насладиться им подольше, если никак не можешь придумать, что же тебе делать дальше. Вот только думать почему-то совсем не хотелось...

«*Правильно, зачем? Выброси голову за ненадобностью, пока она сама не атрофировалась*». Бесценный внутренний голос — вместо того чтобы поддержать добрым словом, сыплет на рану целый мешок соли.

А поддержка перед парой дюжин вооруженных мужчин требовалась нешуточная. Желательно не только моральная. Каждый пройденный шаг (хотя бы и сделанный кое-как) приближал меня к трагической развязке, а что-нибудь дельное прийти в голову не спешило. Так и мои спутницы не торопились приниматься за активные действия: вяло переставляя ноги, девушки просто покорно шли вперед. Я их, разумеется, прекрасно понимала — вид вооруженных стражников не вдохновлял на более близкое знакомство — однако странно, что они вообще не оказали никакого сопротивления.

Недолгий березняк выпустил дорогу в неубранное кукурузное поле, тревожно шелестевшее листьями и кланявшееся земле тяжелыми початками.

— Хороша нынче-то кукурузка уродилась! — послышался за спиной знакомый голос плешивого стражника.

— Дык! Зря, что ль, чудодея из самой столицы Их сиятельства выписали! Знатно с упырями в гадальник¹ разобрался, а, дядько? С зимы-то уж и забыли, как нежить выглядит, а в баронских наделах, сказывали, ящер здоровущий, чисто пригорок, жрет что ни попадя! Благослови Единый заступника нашего, не сглазить бы! — звонко воскликнулись в ответ.

Позади послышался шум, очень похожий на раздачу подзатыльников.

— Думай, кому благословение призываешь, дурень! Услышит отец Андр, твоя Венька старицей помрет, не дождавшись освященных Храмом уз ни на эту осень, ни на будущую.

— Дядько, перед ребятами бы уж не позорил! Третий десяток скоро разменяю, а ты все рукоприкладством балуешься.

— Поговори мне! Ох давно я за ремень не брался...

Парень благоразумно заткнулся, ограничившись обиженным сопением.

— Ну будет-будет, не обижайся на дядьку. Добра ведь желаю, — сменил гнев на милость старший. — Глядишь, за потаскушек этих кой-какую награду огребем (денежки в сумках сам видел), чай, Их

¹ Гадальник — второй месяц года (*прост.*). Официально принятое название — месяц Предсказывающих.

сиятельства не обидят. Тады к исходу надельника свадебку-то и справим.

Сопение из обиженного перешло в довольное.

«*Какие делаем выводы из вышесказанного?*» Сразу две плохие новости. В крепости есть придворный маг — раз, меня обокрали — два.

Ч-черт. И маг некстати, и денег жаль — не то слово. Но хотя бы моя предусмотрительность себя оправдала: не зря мучилась, замазывая драгоценности и часть золотишка в бинты.

Что ж, учитывая наличие мага, дальше медлить нельзя — пора уже что-то предпринимать. Начнем, как обычно, с разведки. Ох, не люблю телепатию, да деваться некуда.

Расслабиться. Сосредоточиться. Открыть сознание. Сделать это на ходу было непросто, но вполне возможно.

Разноголосье человеческих мыслей оглушало. Сводило с ума, угрожая разорвать хрупкую черепную коробку. Голоса шептали, пели, подвывали, надрывно кричали. Отдельные слова практически не вычленились: звуки, смешиваясь между собой, выстраивались в фантастически бессмысленные конструкции. Я в ужасе отшатнулась в себя, панически закрываясь от мира, признавая тем самым неудачу. Практики жизненно не хватало. Может быть, в спокойном месте и в расслабленном состоянии с куда меньшим количеством людей (в идеале — одним подопытным) у меня что-нибудь и вышло бы. А так в результате лишь болезненный тычок меж лопаток, заработанный спотыкающейся походкой, прокушенная губа и соленый привкус крови.

Видимо, все-таки придется огорошить Леся чудесным превращением постороннего мальчика в неплохо ему знакомую (это он так думает) девочку. Последствия этого шага, конечно, не внушают оптимизма: пеленание по рукам и ногам с препровождением под почетной охраной в столицу в подарок своей госпоже — герцогине Рианской. Но по крайней мере в Тилану меня доставят в целости и сохранности, чего не скажешь о пребывании в подвалах замка, которое вряд ли благоприятно скажется на моем здоровье. А дорогой в столицу может всякое приключиться...

Я пригляделась к предмету своих чаяний повнимательней. С последней нашей встречи Лесь практически не изменился. Его симпатичная внешность осталась при нем: не потолстел, не полысел, и ямочка на подбородке тоже в наличии. Хотелось бы сказать, что молодой рыцарь возмужал (хотя куда уж больше), в глазах появился

¹ Надельник — девятый месяц года (*прост.*). Официально принятое название — месяц Пространственных.

трагический блеск, чело пробороздила ранняя морщина, появившаяся из-за горькой разлуки с дамой сердца... А вот шиш! Какой был, такой остался, почти как в песне: только чуть больше серьезности, хотя, возможно, это на молодого Бира родные пенаты так повлияли, а вовсе не наше расставание.

Как к такому подступиться? Не кидаться же на шею с дикими криками: «Любимый, ты случайно по мне не соскучился?» Так можно до Леся и не добежать — уложат по дороге или, хуже того, поймут совершенно превратно.

Пока эти мучительные размышления терзали мою бедную головушку, в поле зрения появился замок: мощное сооружение со сторожевыми башнями, толстенными стенами и внушающим опасением рвом. Вокруг живописно раскиданы дома подвластных крестьян, предпочитавших жить на глазах у сурового хозяина, зато не беспокоясь о собственной безопасности, не озаботившись даже приличной оградой. Приспущенный стяг над главной башней свидетельствовал о том, что самому графу довелось отлучиться из замка. Для чего только это афишировать. Чтобы все «добросердечные» соседи знали? Но традиция есть традиция.

Первая хорошая новость за день: по всему выходило, что Лесь пока здесь за главного: его старший брат находился где-то в Ивиле с далеко идущими матримониальными планами. Все-таки от наших многочасовых бесед (или, правильнее сказать, пространных монологов молодого рыцаря) по дороге в столицу была несомненная польза.

Пора.

Я несколько раз кашлянула для проверки голосового аппарата и ласково позвала:

— Лесь.

Мужчина, погруженный в свои мысли, продолжал ехать как ни в чем не бывало.

— Лесь! — уже громче.

Рыцарь не соизволил даже оглянуться и удостоить меня вниманием, зато на мою долю пришлось парочка ударов от идущих следом стражников. Чтобы мало не показалось, надбавили еще тройку-другую. Для профилактики.

— Лесь!!! — рявкнула я, окончательно выведенная из себя безразличием парня и болезненными тычками.

Мой крик оказал на сэра Алестатора крайне странное воздействие: его спина вздрогнула как от удара хлыстом. Лесь так резко развернул коня, что идущим сзади людям пришлось отпрянуть, из-за чего вся процессия потеряла стройность. Однако заслуженный тычок в спину все одно меня настиг. Он был такой силы, что колени

подогнулись, и я, не располагая балансом в виде рук, ничком свалилась на землю, больно ударившись лбом. Пнули пару раз для острастки и грубо, за ворот, поставили на ноги. Кровь хлопала в носу, стекала тонкими струйками по исцарапанному подбородку, а сглатываемая слюна имела солоноватый привкус.

Взгляд молодого рыцаря, уже справившегося с занервничавшим животным, метнулся к подругам, задержался на каждой из них и, не найдя искомого, попытался слегка мазнуть по моей персоне. Не тут-то было — мои глаза цепко поймали его взор, а окровавленные губы чуть растянулись в улыбке женского превосходства. Краска медленно сбегала с его открытого лица, пока в каре-зеленых глазах разгорался пожар узнавания. Крайне необычная реакция на нашу встречу, даже учитывая то, что он не ожидал меня увидеть. Но надо отдать должное младшему сыну графа Бира, он умел быстро взять себя в руки.

— Савел!

— Да, мой господин, — откликнулся все тот же плешивый стражник, выходя вперед.

Рыцарь повелительно указал на место рядом с собой. Савел поспешил подойти.

— Ты за Голову! — Лесь снял с шеи тяжелую цепь с подвеской из дымчато-серого камня, оплетенного золотой сеточкой, и отдал мужчине.

Наклонился ниже и негромко произнес несколько слов, слышных только собеседнику.

— Не подведи меня! — Уже громче.

— Да, мой господин.

Предоставив отряду глотать пыль, рыцарь пустил коня галопом по дороге в замок. Нас погнали следом, однако не в таком быстром темпе. Новоиспеченный Голова не спешил, привыкая к собственной значимости.

— Чего это с молодым хозяином? — обеспокоенно зашушукались позади. — Нервический чего-то лишка! Уж не порча ли...

— Разговорчики там! — прикрикнул на шептавшихся старший.

Дорога достигла поселения. Возле домов, огороженных плетнями, суетились куры, в придорожной канаве плавали откормленные почти до неприличия гуси. Неподалеку, в зарослях смородины, разбойничала беспризорная коза. Добротный храм, традиционно выстроенный в форме полусферы с колокольной башенкой наверху, поднимающейся едва ли не выше флаштока, говорил о несомненном влиянии Церкви на сеньора здешних мест. Навстречу отряду, оглушительно крича и размахивая игрушечными деревянными ме-

чами, мчалась ватага чумазных ребятишек. Дети с разгона проскочили мимо нас, но, сориентировавшись, вернулись и, радостно вереща, носились вдоль процессии взад и вперед. Едва мы поравнялись с первым двором, невысокая, полная женщина, развешивающая выстиранное белье, уронила чистую рубашку на землю.

— Распутницы! — Злой плевков не долетел до нас буквально полметра.

Дальше — больше. Толпа вдоль дороги собиралась с хорошей скоростью, люди торопились выказать свое негативное отношение, как будто за старание им снизят налоги: отовсюду слышалась ругань, сыпались плевки, а иногда и мелкие метательные предметы. Правое плечо ныло — в него угодил камень, пущенный чьей-то меткой рукой. Охрана вяло отмахивалась — скорее для порядка, чем в служебном рвении.

— Прихожане, остановитесь! Не гневите Господа нашего!!! — воззвали зычным голосом откуда-то слева. — Ибо скор Он на возмездие!

Все присутствующие, включая стражников, уважительно замерли и притихли.

Я вывернула шею, пытаюсь разглядеть тутошнего священника. Высок и болезненно худ. На нарочито скромную рясу пошел не один метр дорожкой тонкой шерсти. Темно-русые волосы, тронутые сединой, аккуратно подстрижены. Неприятный пронзительный взгляд, подмечающий любую оплошность. Под прицелом светлых, почти до бесцветности, глаз толпа значительно поредела.

— Какая кара уготована нечестивицам? — требовательно вопросил священник. — Помогите вам Единый, если изведаю, что опять непотребства да прелюбодеяния как по весне деялись, когда я за благословением Преподобного в Рин отъезжал! Проклянута!!! Колдун, не иначе, неокрепшие умы моей паствы смущает!

Толпа продолжала виновато помалкивать. Отозвался по виду самый молодой стражник — белобрысый парень в косо сидящей кирасе:

— Дык... Подпалим небось... Ой! — Тяжелый подзатыльник оборвал самодеятельность.

— Простите недоросля, отец Андр, — покорно попросил за паренька Голова. — Огонь божьего гнева покарает еретичек. Только Их сиятельства дождемся, так очистительные костры и запыхают.

Спины обсуждаемых остались невозмутимыми, девушки даже не повернули голов в сторону говоривших.

— Благое дело, благое, — одобрительно закивал святой отец. — Благослови вас Единый, дети мои. Не запомните загодя гонца в

Храм послать — лично Очистительную молитву над грешницами прочту.

Священник величественно развернулся и ушел в направлении Храма, куда следом потянулась также добрая половина паствы, а нас, подальше от греха и оставшейся половины местного населения, поспешили увести в замок.

ГЛАВА 2

Вонь застоявшейся грязной воды, наверное, была призвана подорвать моральный дух предполагаемого противника. А довершить процесс деморализации предлагалось мошкам, тучами роившимся здесь же. К моему искреннему сожалению, они, не делая различия между своими и чужими, кидались на всех, кому «посчастливилось» идти по узкому подъемному мосту, перекинутому через ров. По вступлении в широкий, выложенный разнокалиберным булыжником замковый двор у меня чесалось все, что было открыто мошкаринному произволу.

Навстречу высыпала не в меру любопытная прислуга: обихаживать Морковку кинулись аж три конюха, пятерым служанкам безотлагательно понадобилось к колодцу за водой, необъятная кухарка в накрахмаленном чепце спешила лично проинспектировать сваленные почти у самых ворот мешки с картошкой. Все делали вид, что безумно заняты. И только мужик ростом с меня, ставшую на табуретку, шириной и того больше, лысый, что моя коленка, целенаправленно подошел к временному Голове. Тяжелый, сильно скошенный вправо подбородок кивнул в мою сторону.

— Забирай, — разрешающе махнул рукой Савел.

«*Душераздирающий призыв не остался без ответа*». Похоже.

Здоровяк еще раз флегматично кивнул и по-простому взвалил меня на плечо. Это вызвало бурю насмешек среди стражников.

— Тэрен, не того схватил! Девку бери!

— Никак, обет решил нарушить?

— Святой отец прелюбодеям путь в Храм заказал!

— Аль мальчишки не в счет?

Голова быстро призвал насмешников к порядку.

— Эй, вы хохмы-то попридержите! — цыкнул он на разошедшихся мужчин. — Глухонемому ваши шуточки, само собой, без разницы. А вот дойдет до отца Андра — глянem еще, перед кем двери Храма затворятся!

Те разом поскучнели. Савел ободряюще похлопал мой транс-

порт по спине, не дотянувшись до его плеча, и указал на массивную входную дверь.

Способ передвижения оказался не слишком удобным. Руки затекли, запястья саднило, в голове шумело от прилившей крови, тошнота, подчиняясь силе притяжения, подкатывала к горлу. И когда меня наконец-то поставили на ноги, я тихонечко сползла по резной двери из мореного дуба. Мужчина не поддался на провокацию: схватив за шкирку одной рукой, он легко поднял мое безвольное тело и с третьей попытки утвердил в вертикальном положении. Разрезал спутывающие руки веревки и втолкнул в комнату.

Спальня. В центре комнаты многозначительно стояла кровать на пять персон. Именно столько могло спокойно на ней разместиться. Если лечь валиком и поперек, то вообще восемь. Деревянный балдахин опирался на увитые резными кленовыми листьями столбики. На парчовом покрывале, расшитом кленовым орнаментом, возвышалась гора маленьких остроухих подушек.

«*Это намек?*» Если да, то весьма прозрачный.

Я ошеломленно застыла перед этим чудовищем о четырех ножках, позабыв про необходимость сосредоточиться на том, что я буду врать Лесю. В планы последнего вовсе не входило давать мне время на раздумья, появился он в помещении буквально спустя несколько мгновений.

На торопливо выбритых щеках с парой свежих порезов цвел лихорадочный румянец. Чистые волосы, зачесанные назад, влажно блестели. Удлиненный камзол теплого коричневого цвета подчеркивал широкий размах плеч. Покоящийся в ножнах у левого бока кинжал внушал уважение. Странный дымчатый камень, одновременно тревожащий и дразнящий свернувшимся клубком Силы, вновь обрел свое законное место на груди рыцаря.

«*Без сопровождения? Штатный маг в отъезде?*» Надеюсь.

Справедливо полагая, что даме не пристало первой начинать разговор, особенно если ей нечего сказать, я решила дать отдохнуть своим усталым ножкам. Бочком обошла многообещающую кровать. За ней (о счастье!), в паре с низеньким комодом, обнаружилось кресло, не замеченное в порыве восхищения главным предметом интерьера. Те же кленовые мотивы в вышивке пледа и оконных портьер с тяжелыми кистями. Я степенно присела на краешек сиденья и приготовилась внимать речам молодого лорда. Мой рыцарь в свою очередь не торопился начинать выяснение отношений, а просто стоял и смотрел на меня. Обветренные пальцы терзали жесткий от золотой вышивки воротник, словно он был ему тесен или непривычен.

«Долго это будет продолжаться?» Попробуем-ка его поощрить: милая, приветливая улыбка — самое оно.

Тактика оказалась верной, но привела к весьма неожиданным результатам: Лесь метнулся к креслу, едва не снеся по дороге кровать, упал возле меня на одно колено и благоговейно коснулся моего лица кончиками пальцев. Однако тут же отдернул руку.

— Живая... — наконец выдохнул он.

Не мертвая, уж точно.

«Когда же тебя успели похоронить?» Теряюсь в догадках: приглашение на поминки почему-то забыли прислать! Но могу предположить, что здесь не обошлось без Ее сиятельства герцогини Рианской! Безумно интересно, каким жутким способом меня умертвили? Ясен пень, я не умерла своей смертью. С моим-то характером и профессией.

Не зная, что можно ответить на это провокационное заявление, я продолжала все так же поощрительно молчать, из последних сил стараясь сохранить загадочный вид.

— Госпожа сказала, что алония Лия погибла, защищая ее, — догадался внести ясность коленапреклоненный рыцарь.

«Это как же?»

...Мятежный маг, увешанный артефактами убийственной силы, материализовался в покоях герцогини. Его демонический хохот продирали до костей. Темные очи горели на бледном лице, тонкие артистичные руки, оказавшиеся неожиданно сильными, схватили беззащитную девушку: он без промедления начал домогаться Велиссы на моей любимой угловой кушетке. Я самоотверженно бросилась на защиту чести и достоинства Ее сиятельства. За что и поплатилась. Взбешенная тем, что ее прервали на самом интересном месте, герцогиня запустила в меня первым попавшимся под изнеженную ручку амулетом. Долго еще потом зеленые, осклизлые части моего тела ползали по помещению...

— Несчастье произошло в тот же день, как мы прибыли в столицу. — Лесь по-рыцарски не обратил внимания на мой истерический смешок. — В покои принесли подношение. Якобы от наследника. Алония, приставленная алной для охраны Ее сиятельства, выхватила сверток у госпожи, и тут заклинание Разрушения Живой Материи сдетонировало...

Последнее слово он выговорил, чуть запнувшись, явно подражая кому-то.

— Я видел обгоревшую одежду.

«Впечатлительный юноша». Надо же, как слегка подпаленные штаны с рубахой сильно на него повлияли. Надеюсь, ална спросит с Велиссы за изувеченный почти новый комплект униформы по всей строгости.

Фу, как банально — никакого воображения. Моя история по крайней мере отличалась некой оригинальностью.

Ох и зря Велисса меня умертвила. Героическая смерть добавила и без того романтическому, поражающему воображение своей недоступностью образу алонии неземную притягательность. Видимо, не имея перед глазами разочаровывающего оригинала, молодой человек наделил мой сомнительный облик ангельскими добродетелями и всеми мыслимыми достоинствами, вознеся на пьедестал недостижимого совершенства. А мое чудесное воскрешение окончательно сорвало крышу парню.

Ой зря, Велисса.

Рыцарь, склонив голову, ждал моего сурового вердикта. Виноват. Поверил. Сердце не подсказало. Изменил Верности. Не выдержал Испытания. Предал Любовь. Рыцарские идеалы с самой большой буквы посрамлены. И кем? Обожаемой госпожой.

Я почти слышала, как мысли потерянно мечутся в склоненной голове, наполняя глаза недоуменным страданием. В нем еще слишком сильна вера в доброе и светлое, не угасла юношеская черно-белая категоричность, а сердцу не хватало панциря циничности.

Ч-черт! Почему же тогда больно мне?

— Лесь.

Он поднял голову и обреченно посмотрел на меня, готовясь к худшему — Ее сиятельство должна была так поступить.

«И какого лешего ей это было нужно?»

— Ради блага Империи. — Я не позволила себе ни малейших колебаний.

Болезненная неуверенность уступила место несмелой надежде, а затем и убежденности в правильности происходящего.

Пока Лесь не опомнился и не потребовал более детальных объяснений, я схватила его за руки и горячо зашептала:

— Знаю, что могу довериться сыну такого замечательного человека, как граф Бир! — Я до сих пор не представляла, чем же он так замечателен, однако толика лести была нелишней. — Но мне нужна уверенность: то, что я скажу, должно остаться между нами. От этого зависит судьба Тилана, а не только моя или ваша жизнь.

На меня незамедлительно посыпались уверения в преданности, готовности положить свою жизнь к моим ногам, лишиться себя языка, если лишнее слово сорвется с уст, и так далее и тому подобное. Ве-

лисса, сама того не подозревая, весьма и весьма мне подсобила — пусть теперь пеняет на себя.

В голове начал вызревать *план*.

Изобразив, насколько позволяли мои скромные актерские способности, крайнее волнение, я так резко вскочила, что парень не удержался и упал уже на оба колена, с которых тотчас легко поднялся. Ножны глухо стукнули о деревянный подлокотник кресла. Метания по комнате были призваны продемонстрировать Лесю глубину моих моральных терзаний, а мне дать время на размышления.

Что ж, будет ему заговор, да такой, что любо-дорого! Побольше великих, как горы, целей, чьи кручи скрыты в тумане неясностей. Поменьше топографических подробностей, имен да названий.

«*Главное — не переиграть*». Постараюсь.

Я остановилась, решив, что достаточно поспособствовала голокружению зачарованно следившего за моими метаниями рыцаря.

— Клятву! — Мое требование входило в правила игры.

— Не обрести мне посмертия! — с готовностью отозвался он.

Его рука, пышущая сухим жаром, вздрагивала в моих ладонях. Тонкий шрам едва заметной ниточкой тянулся от запястья к указательному пальцу. Кожа на ладони — отполированное дерево.

«*Врать, глядя прямо в глаза, слишком трудно?*» Попробую ограничиться полуправдой.

— Я не принадлежу себе, Лесь. — Внезапная хрипотца придала голосу нужную степень интимности. — Верная дочь Ордена делает лишь то, что велит всеведущая ална. Она скажет: умри — и алония послушно перестанет дышать.

Первая заповедь Устава Ордена святого Конхола прозвучала как нельзя более к месту.

— Я направляюсь на мятежный Остров. И ни одна живая душа, а тем более нежить, не должна пронюхать о моем местопребывании.

Сила впитывалась в обветренную кожу через прикосновение моих пальцев тяжело и неохотно, то и дело норовя отхлынуть назад.

Одна попытка.

Вторая.

Третья.

Четвертая...

Тело Алестатора отторгло заклятие Доверия зеленоватым туманом. Едва заметную дымку моей магии без остатка поглотил мышастый камень в сеточке золотого плетения.

Силен артефакт!

Смирившись с поражением, я уронила мужскую руку и отступила на пару шагов, когда Лесь, не подозревающий о моей неудавшейся попытке сделать его сговорчивее, потянулся за мной.

— Портал. В горах. Я обязана узнать, где он. — Лихорадочное напряжение мысли и еще один шаг назад.

— Но зачем? — справедливо поинтересовался Алестатор, тоже сделав шаг.

«И правда — зачем?»

— Расследование убийства Императора еще не завершено, но уже есть все основания полагать, что здесь не обошлось без участия Нерана, — без зазрения совести оклеветала я поклонниц матриархата.

Во взгляде рыцаря появилась сталь. Лесь вытащил клинок из ножен и со злостью загнал его обратно.

— Я этих мерзких девок... сейчас... сам... — Лесю явно не хватало слов, чтобы описать то, что он с ними сделает, по крайней мере приличных слов, достойных моих нежных ушей (наивный, послушал бы он аалону Валенту!).

Похоже, ласка и доброжелательность не идут ему на пользу.

— Сэр Алестатор, — очень сухо и по-казенному отчеканила я, старательно подражая Дэрришу — если Велиссу проняло, то на Лесю уж всяко подействует. — Прошу не проявлять чрезмерную поспешность в суждениях и поступках. Вы едва не сорвали тщательно и долго подготавливаемую операцию. Ценой огромных усилий мне удалось войти в доверие к вражеским лазутчицам. Вы обязаны оказать содействие дочери Ордена и исправить собственную оплошность, пока еще не слишком поздно это сделать.

Молодой человек, побагровев, отпрянул от меня как от чумной. Было чему ужаснуться! Ох и нелепо я, наверное, выглядела! Перемазанная, встрепанная, неопределенного пола, опухшая, в красных пятнах мошкариных укусов. И при этом изъясняющаяся сухим, официальным языком.

Похоже, я снова перегнула палку. Придется исправляться и влезать в опостылевшее амплуа «дама терпит бедствие».

Надо опять отдать должное его выдержке, Лесь сдержался и не отпрянул при моем приближении.

— Мне неловко об этом говорить. — Робкое заглядывание в глаза. — Но я очень проголодалась. Да и хотелось бы хоть немного привести себя в порядок...

Благородный рыцарь, естественно, не смог остаться безучастным к просьбе дамы, поэтому сорвался с места, попутно принося кучу извинений, и с просветленным лицом вылетел из комнаты.

— Вещи мои захватите! — крикнула я вдогонку, не уверенная, что меня услышали.

Через пять минут знакомый лысый мужик, Тэрен кажется, без видимых усилий втащил в комнату стол и поставил его рядом с

креслом. Желтоватая льняная скатерть при неосторожной установке съехала вправо, большие серебряные блюда, заполненные всякой съедобной всячиной, возмущенно тренькнули, столкнувшись начиненными до блеска краями.

Я виновато подумала, что вряд ли девушек покормили, но аппетит устыдиться отказался и разыгрался еще сильнее: голодный желудок не желал слушать доводы совести. Запах еды кружил голову, а рука сама потянулась за куском. В последний момент я ее отдернула, ужаснувшись виду собственных пальцев с грязными, обломанными ногтями.

«*Мойте руки перед едой*». Хорошо бы. Но где?

Я попыталась выяснить у Тэрена, но он лишь осклабился, явив мне два ряда крупных, под цвет скатерти, зубов, и равнодушно развернулся к выходу. Едва слуга скрылся за дверью, в нее прошел Лесь, неся в руках не только все наши с неранками вещи, но и что-то еще. Этим «что-то» оказалось платье солнечно-желтого цвета с широкими рукавами и пышной юбкой. Слух у парня, как выяснилось, отменный.

— Я взял на себя смелость подобрать вам одежду. Дверь в туалетную комнату слева от окна, там можно переодеться. — Парень очаровательно покраснел.

Соблазн был велик, но...

— Нет, благодарю, — с сожалением отказалась я.

Рыцарь посмотрел на меня умоляющими глазами:

— Никто ничего не узнает, даю слово.

Хм... Магическому сканированию его слово не помеха.

— Благодарю, не надо.

Лесь не сдавался:

— Я прикажу, чтобы пока привели в порядок вашу одежду. Она вся изорвана.

Мягкий, ласковый материал платья заискивающе коснулся моей руки.

— Не стоит беспокоиться. Я сама прекрасно управлюсь с починкой, — сделав над собой усилие, ответила я и, прихватив сумку, позорно сбежала за дверь от желтого соблазна.

Небольшая, мрачная комнатка, где под самым потолком пробито окно-бойницу, хотя толку от него чуть. В обстановке нет и следа той роскоши, которой пропитана спальня. Обыкновенный деревянный стол, настенная полка для полотенец, возвышающаяся на табуретке полная кадучка теплой воды, а в углу, извините за подробность, ночной горшок. О зеркале здесь не приходилось и мечтать.

Опустив щеколду запора на второй двери, выходящей в коридор, я скинула куртку и рубашку. Не настолько они и изорваны. Потре-

паны после дневных приключений, быть может. Но это дело поправимое — залатать несложно.

На столе кто-то — судя по аккуратности исполнения, все тот же слуга — свалил в кучу всякие банные принадлежности. Похоже, их собирали по всему замку. Разноцветные и разнокалиберные скляночки, ароматический мох для ванны, жесткие щетки и мягкие мочалки, даже два скребка для подошвы. Ванну принимать я не собиралась, а только по возможности аккуратно, не замочив бинтов, смыть грязь с верхней половины тела.

Не доверяя завлекательно благоухающему содержимому бутылочек, я отдала предпочтение куску мыла со свежим ароматом лимона.

Вскоре вода в кадучке потеряла изначальную прозрачность, ключья грязной пены неприкаянно бороздили мутную поверхность. Правда, я в ней не только помылась, но и рачительно простирнула рубашку и портянки.

Хлюпанье в воде всегда поднимало мне настроение, поэтому после умывания к Лесю вышло почти довольное собой и окружающим миром существо. Впрочем, я не погнушалась сначала проверить другую дверь. Как и ожидалось, за ней скучал невозмутимый Тэрен. Ну нет так нет.

Рыцарь выскочил из кресла при моем появлении.

— С легким паром, — пробурчала я себе под нос, чувствуя себя неловко под обожающим взглядом молодого Бира.

— Что?

Я сделала вид, что не расслышала вопроса.

— Не пора ли нам к столу? — Ласковая улыбка в ободрение.

Возле стола в пару к креслу стоял низенький пуф, на который пристроился мужчина, галантно уступив мне более удобное место. Оставив демонстрацию хороших манер до лучших времен, я накинулась на еду. Вот она — страшная цена гигиены: все изысканные кушанья успели благополучно остыть. Но не будем привередничать. Пока я в безмолвии, нарушаемом лишь постукиванием тарелок, уписывала предложенные моему вниманию деликатесы, собеседник поедал меня глазами. Да так, что мне пришлось возмутиться.

— Лесь, да прекратите же так на меня смотреть — кусок в горло не лезет! — потребовала я, однако тут же смягчила приказ просительной улыбкой. — Лучше развлеките гостью беседой.

Он извинился, опустил глаза и завел ни к чему не обязывающий разговор о погоде.

«А предложит присоединиться благородному рыцарю к трапезе?» Ни в коем случае! Самой мало.

• Знак Единения •

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

Омар Хайям

ГЛАВА 1

Край мира. Маслянисто-перламутровая пленка Перепонки мягко пульсирует в сером вязком нутре Межмирья. Впрочем, нет, не пульсирует — дышит.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох...

Перепонка осторожно заигрывает с Гранью: то жаждет приблизиться, то отпрянет в испуге. Снова потянется...

Грань между Светом и Тьмой. Она острым лезвием Бытия покоится в руках Вечности. Чем станет для Мира этот клинок? Оружием справедливого возмездия? Карающим мечом? Или, быть может, орудием самоубийства?

Ей решать.

Вдох. Выдох. Вдох...

Ночь была ясной и по-осеннему прохладной. Где-то неподалеку выли собаки, бездарно подражая доносящемуся из леса волчьему вою. Сгусток мрака отделился от каменной кладки и бесшумно стек на землю.

Если бы поблизости оказался случайный наблюдатель, он мог бы хорошенько присмотреться (благо полнолуние позволяло это сделать) и разглядеть в спустившемся с крепостной стены мужчину с двумя заплечными мешками. Черты его лица скрадывала тень от потрепанной шляпы с большими обвислыми полями. В правой руке он держал длинный кинжал, который, судя по темным пятнам на блеснувшем в лунном свете лезвии, недавно пускали в ход. Странный незнакомец огляделся, спрятал оружие в ножны, поправил сумки и бесшумно скрылся в лесу.

Если бы поблизости оказался случайный наблюдатель, он мог бы, разумеется, все это разглядеть. Но выжить — уже вряд ли...

Дождь влажной лапой стучался в юрту, изредка пробираясь внутрь тяжелой прелой сыростью, если жильцы ленились плотно привязывать к колышкам кошомную дверь. Почти не рассеивая тьму, у самого потолка мягко покачивался и светился наполненный водой высушенный бараний желудок. Жидкость булькала, когда бабка Апаш всхрапывала особенно громко и как-то очень недовольно. Сегодня она встала затемно и навешала таких заговоренных «шариков» в каждой юрте. По замыслу шаманки, сдерживающая воду емкость должна была обеспечивать и непромокаемость жилища даже в самый сильный дождь.

Непогода обрушилась на дарстанские степи внезапно. Вечером накануне небо радовало взгляд облачными замками, чьи башенки закатные лучи выкрасили в нежно-розовый. А наутро, благодаря непрекращающемуся дождю, земля превратилась в чавкающую топь из раскисшей глины, где намертво застревали как сапоги, так и лошадиные копыта. Провидческий дар старухи Апаш не сплеховал. Племя, кочующее к месту зимовки на предгорных пастбищах, подготовилось к сюрпризам погоды и загодя раскинуло стойбище.

Пока мужчины сооружали временные загоны для скота, женская половина племени не покладая рук устанавливала юрты. Споро потрошились войлочные тюки, врывались в землю деревянные столбы, разворачивались решетчатые складные стены, раскатывались узорчатые циновки.

Получившиеся остовы заботливые женские руки укрыли тяжелыми кошмами, обтянули поверх тканью, и на широкой мозолистой ладони степи выросли двадцать и одна юрта рода Шарип-тош-Агай — именно так звучало исконное название клана. В вольном переводе со стародарского это значило «Конь, чья шкура белее шапок великих гор, вершины коих попирают небо».

Мать вождя, Айзгуль-алым¹, почтила своим присутствием каждое жилище. Со словами «будь домом, приносящим счастье» эта крепенькая пожилая женщина с осторожностью и уважением заходила внутрь, бросала на расстеленную у входа кошму пару-другую горстей медовых шариков и шла благословлять следующую «новостройку».

К слову, мужское участие в процессе установки юрт свелось к поднятию обода и отпусканию фривольных шуточек.

— Посмотри, Рель-абы², разве не я первая красавица клана? — обратилась ко мне сидящая напротив девочка.

Вообще-то в моем паспорте написано «Каховская Аурелия Ин-

¹ А л ы м — почтенная женщина, мать взрослых детей.—

² А б ы — обращение к молодой, незамужней девушке.

нокентьевна», да вот незадача — с удостоверяющим мою личность документом мы теперь находились в разных мирах. А все из-за одного маловразумительного Пророчества: за последние полгода я успела сменить место жительства, профессию, семейный и социальный статус, а также кучу имен и прозвищ. Собственно, в степь меня занесло как раз в поисках способа вернуться домой, в родной мир.

Скитания по просторам Империи Тилан проходили не в одиночестве — компанию мне составили две представительницы местного феминистического движения. Девушки были полной противоположностью друг другу. Кирина — уроженка независимого Нерана — невысокая, гибкая, темноглазая, с копной темно-каштановых кудряшек и нравом мелкого деспота. Эона — избалованная купеческая дочка родом из Тении¹ — рослая, фигуристая, светловолосая, тихоня и паникерша. Впрочем, различия в характере и воспитании несколько не мешали их дружбе. Меня в этот тандем включили далеко не сразу, а после неоднократных проверок на прочность и лояльность.

Благодаря отдаленному родству Кирины с матерью вождя в клане нас приняли, как дорогих гостей. Обласкали вниманием и заботой. Даже принарядили: бабка Апаш покопалась в бездонных закромах и нарыла там явно папахивающее Первым Пришествием тряпье. Каждую оделили шароварами, длинной рубахой-платьем и невразумительно-бурого цвета стеганым халатом, расшитым по манжетам и горловине тамбуром (про головной убор, помесь тубетейки с платком, я вообще лучше промолчу).

Одежда, оказавшаяся мне одновременно широковатой и коротковатой, сидела просто «изумительно». Эона с Кириной чуть животы не надорвали во время генеральной примерки. А уж ехидных комментариев неранки я на год вперед наслушалась...

«Что-то подсказывает, в долгу ты не осталась». Еще бы собственному внутреннему голосу меня не знать! Разумеется, оторвалась по полной.

Подругам тоже мало шли изыски местной моды. Особенно Эоне. Хотя мой вкус здесь, похоже, не являлся эталонным — вон к светловолосой уже четверо местных джигитов посватались.

Мои успехи у противоположного пола были не столь впечатляющими. Только лишь вчера один чабар (то бишь пастух) преклонных годов позвал меня младшей женой: так его впечатлили юртоустановочные работы в моем бойком исполнении.

«Мало что так побуждает мужчину к предложению руки и серд-

¹ Т е н и я — одна из центральных провинций Империи Тилан.

ца, как вид вкальывающей по хозяйству женщины». Очень похоже на то.

«Да неужели ты не согласилась на такое заманчивое предложение?» Пришлось скрепя сердце отказаться. Как-никак я все-таки уже замужем.

«Так выдвинула бы встречное предложение — берешь чабара в младшие мужья». Он не прошел конкурс в супруги по возрасту, увы. Кроме того, хватит с меня мужей. Спасибо, накушались: от одного благоверного Императора проблем столько — не знаю, как расхлебать.

Вообще-то грех было придирается к нашим нарядам. Я вздохнула с облегчением, избавившись от необходимости перебинтовывать грудь, путешествовать по степи стало намного удобнее и проще, равно как и затеряться от «имперских глаз» среди кочевников. Задно появилась возможность подлатать свою одежду, не торопясь и основательно. Чай, в горы собираемся, где и летом не припекает. Хотя кто их, эти Разделяющие горы, знает...

На время вынужденной по случаю непогоды остановки нас расквартировали в юрте, где обитала провидица и ее несовершеннолетняя ученица. Впрочем, назвать этот склад разнообразных артефактов и амулетов жилищем можно было с большой натяжкой. В захламленное донельзя нутро, на гостевую половину, едва-едва влезли три дополнительные лежанки.

Истины ради стоит сказать, что в данный момент тесноты особой не наблюдалось. Кирина с Эной как с утра утащились в юрту вождя, где женской половиной заправляла Айзгуль-алым, так до сих пор еще не вернулись. Они звали меня с собой. Но после двух недель кочевки мне куда больше светских визитов и многозначительных высказываний, сдобренных аллегорическими красотами, на которые богата речь матери вождя, хотелось только лишь немного тишины и покоя.

Увы, подруги ушли, а непроходящая головная боль всего рода Шарип-тош-Агай осталась. Неподалеку с распахнутой шкатулкой на коленях сидела Фашана — единственная, а потому беззаветно любимая и без меры балуемая дочь вождя клана.

Девочке шел тринадцатый год, из которых шесть лет она была ученицей старой Апаш. Не самой прилежной, стоит заметить. Шаманка была единственной, кто мог справиться с буйным нравом девчонки, поэтому, потеряв последнюю надежду сладить с внучкой и не найдя поддержки ни у разбаловавшего дочь вождя, ни у болезненной невестки, Айзгуль-алым сплавила «подарочек» провидице.

Ох уж эта Фаша-Фашана... Круглолицая, с раскосыми глазами, загорелая, как прописавшийся в печке чугунок. Вертлявая, непо-

седливая, смешливая. Скорее любопытная, чем любознательная. Худая и нескладная. Ко всему прочему, приставучая, как растаявшая тянучка, да надоедливая, точно осенняя муха. Ее смоляные волосы, поутру туго заплетенные в толстую косу бабкой Апаш, к вечеру было не расчесать от нахватанных за день непонятно как и где репьев.

Эта маленькая негодница, любительница приукрасить события, искренне недоумевала, когда ее ловили на вранье: она обычно пожимала плечиками и говорила, что «ничего такого не имела в виду, просто так же интереснее».

Быть бы Фашане прилюдно поротой за свои бесчисленные шалости, но отцовская рука Талеген-дая¹ не поднималась ударить живой портрет жены, уже две зимовки как покойной, но (так поговаривали до недавних пор) все еще любимой.

Как истинная маленькая женщина, Фаша обожала блестящие украшения. Особую слабость она питала ко всяким брошкам и серьгам с разнообразными гремяще-звенящими висюльками. Вот и сейчас девочка, покачивая маленькой головкой, чтобы нежно бряцали гроздьями мелких монеток длинные сережки, любовалась на себя в крохотное зеркальце.

— Угу, красота неопишная, — не глядя, отдала я должное стараниям Фашаны, безуспешно пытаюсь вдеть нитку в кривоватую иглолку устрашающего вида и размера. Света чадящая лампа давала совсем немного, так что даже в здоровое ушко попасть было нелегко.

— Ты не смотришь! Сейчас же посмотри! — В капризном тоне девочки прорезались командные нотки. — А не то...

Интересно, мне показалось, или рулады, выводимые бабкой Апаш, все же приобрели угрожающие интонации?

— Не то... — дочь вождя предусмотрительно понизила голос, — ...я пожалуюсь отцу, и он высечет тебя плеткой, как строптивую кобылу!

— Жалуйся, — беспечно согласилась я, не отрывая взгляда от непослушной нитки, отказывающейся лезть в игольное ушко, и притворно вздохнула. — Хоть покаюсь Талеген-даю перед мучительной смертью. А то вторая седмица пошла, как глаз сомкнуть не могу, зная, кто изорвал платье и вымарал овечьим пометом перья на саукеле его невесты, достойной Тинары-абы, — совесть заснуть не дает.

— Да ты!.. — задохнулась от возмущения девочка. — Да как ты!.. Ты не можешь этого знать!

¹ Да й — одновременно титул и обращение. Означает человека, облеченного властью. Между тем, это может быть не обязательно вождь клана. Скорее тот, кто вершит суд. Слово произошло от «ад-дай» — воздающий (*стародарск.*).

— Могу. Иногда я очень некстати просыпаюсь ночью, чтобы... хм... подышать свежим воздухом. В одиночестве. И, бывает, интересные вещи вижу. Например, как некая хорошо знакомая мне особа пробирается к возку с придаными и...

Не став договаривать предложение до конца, я скосила глаза на безмолвствующую собеседницу. Фаша крепко задумалась. Угроза с моей стороны была нешуточной. Если станет доподлинно известно, что сие дело рук неугомонной Фашаны, — от порки ей никак не отвертеться. Бог с ним, с платьем, а вот саукеле, свадебный головной убор, готовился для невесты вождя лучшими умелицами клана Таул-сош-Гар больше года и стоил бешеных денег. Как раз с неделю тому назад, кажется, старшая сестра или тетка Тинары на все становище сокрушалась о порче приданого в целом и саукеле в частности. Сколько на эту шапку с перьями пошло серебряной парчи, золота и драгоценных камней, будущая родственница вождя перечислила, по меньшей мере, трижды.

— Ладно, я тебя прощаю, — важно произнесла девочка. — Ничего папе говорить не буду, но ты должна признать, что я первая красавица, а эта неряха Тинарка, которая сама себе рвет платья и не может уследить за богатыми дарами, недостойна целовать следы моих ног!

— Истинно так. — Что, мне трудно подтвердить? — Краше луноликой Фашаны и во всех степных кланах никого не сыскать

Фаша повеселела и принялась примерять следующую пару сережек, а я вернулась к починке куртки. Мир был восстановлен. Надолго ли?..

Подобные гневные вспышки и частые смены настроения стали привычными для девочки недели две назад. Подгадав момент, когда клан собирался перекочевать к месту зимней стоянки, в Шарип-тош-Агай прибыл отряд посланников дружественного рода Таул-сош-Гар, и становище облетела радостная весть о предстоящей свадьбе вождя. Слухи об этом ходили давно, но на этот раз в Шарип-тош-Агай приехала невеста: познакомиться с будущими родственниками, обычаями клана, себя показать. И если все будет благополучно, в День весеннего обновления войти в белую юрту вождя полновластной хозяйкой.

Привыкшая к безраздельному владению отцовской любовью, Фаша очень болезненно переживала появление в его жизни «другой женщины». Именно на ней девочка вымещала всю свою боль и обиду. Тинара же (не только на мой взгляд, но и по мнению всего рода) мало того что не заслуживала подобных нападок, так еще и сносила их просто с безбрежным терпением. Эта хрупкая, удивительной красоты девушка, старше будущей падчерицы всего на четы-

ре года, лишь мягко улыбалась в ответ на жуткие оскорбления Фашаны. От Тинары никто не слышал не только ни одного бранного слова, но даже разговаривать с кем-либо на повышенных она себе не позволяла, стараясь болтать поменьше, а слушать побольше. Зато девочка в присутствии будущей мачехи словно впадала в помешательство и говорила просто ужасные вещи.

В кошму, служившую дверью юрты, поскребли, отвлекая меня от праздных мыслей о семейных проблемах главы клана. Похоже, Кирина с Эной вернулись. Наконец-то.

Взглянув на вновь увлекшуюся примеркой девочку, я вздохнула, отложила куртку, которую латала, и осторожно отодвинула плюющуюся бараньим жиром лампу. От продолжительного сидения в скрюченной позе у «трудолюбивой швеи с ненормированным рабочим днем» затекли ноги и плечи. Я потянулась всем телом, помедлила, дав возможность застоявшейся крови свободно пробежаться по сосудам, и поплелась отвязывать шнур из конского волоса, удерживающий дверь.

Вместо ожидаемых захмелевших от неумеренного потребления кумыса подруг из дождя в юрту шагнул смутно знакомый мне кочевник. Вместе с ним в теплое нутро жилища просочились горьковато-резкие запахи непогоды и пропотевшей конской кожи. А следом по застеленному войлоком полу прополз и влажный холод.

— Храни вас Великое Небо!

— Да будут благополучны дети Его. — Зябка ежась на сквозняке, я указала рукой в сторону очага, как бы приглашая гостя.

Мужчина наконец опустил за собой кошму. Снял башлык, после присел рядом с огнем, почтительно протягивая к нему озябшие руки:

— Апаш-амай¹ видеть желают глаза мои. Мои уши жаждут внять мудрости той, кого осенило благодатью Великое Небо.

Услышав ритуальное воззвание, Фаша неопределенно, но как-то уж очень не по-детски хмыкнув, сняла шкатулку с колен. На четвереньках девочка подползла к спящей провидице и легонько потрясла ту за плечо. Старуха тотчас открыла глаза, будто вовсе не она недавно храпела так, что сотрясались войлочные стены.

— Что привело тебя в юрту Видящей, Харунак? — Шаманка не спешила встать, а лишь чуть повернулась, чтобы лучше разглядеть пришедшего.

— Беда, — просто сказал мужчина. — Большая беда.

И если судить по крайне обеспокоенному выражению круглого обветренного лица, он не преувеличивал.

¹ А м а й — та, кто видит. Традиционное обращение к шаманке (стародарск.).

Ни о чем больше не спрашивая, старуха, кляня свои старые кости, поднялась. Мужчина встал следом и замер возле выхода. Кочевник терпеливо дождался, пока Апаш соберется, позволяя себе лишь время от времени нервно потеребить жидкую косицу.

Фашана споро уложила провидице сумку и начала тоже одеваться, но была поймана за плечо цепкой старушечьей рукой.

— Со мной Рель пойдет.— Старуха ткнула в сторону притихшей на гостевой половине меня.

— Но... — попытались в один голос возразить мы.

Шаманка споров не любила.

— Старших слушать надо! — прицкнула на нас Апаш, разворачивая ученицу лицом ко мне.— Отдай ей сумку, аждим¹.

Девочка, обиженно поджав губы, в сердцах бросила вещи к моим ногам и демонстративно ушла за сундук — дуться.

«Не обижаться, радоваться надо!» Точно. Вот уж счастье — тащиться непонятно куда под проливным дождем!

— А ты, дочка, собирайся живее, не печаль старую больную Апаш, не убавляй и так считанные годы!

Интересно, сколько раз со счета сбивался тот, кто их считал?

— Не преувеличивайте, уважаемая Апаш, вы еще меня переживете! — На улицу, под дождь, мне не хотелось совершенно.— Все-таки, может, пусть лучше с вами Фашана сходит, прогуляется...

«...Голову свою дурную проветрит — авось там причуд всяких поубавится»,— мысленно закончила я про себя предложение.

— Не уважаешь старость, дочка,— начала сокрушаться старуха, несомненно рассчитывая на благодарную публику в лице измаявшегося в ожидании кочевника.— Зубоскалишь над сединами...

Вот ведь старая пройдоха!

Взглянув на помрачневшего Харунака, я благоразумно не стала дослушивать тираду до «попранных предков» и «неблагодарной молодежи», а с обреченным вздохом подобрала брошенную Фашаной сумку и потащилась одеваться.

Поверх халата на плечи весомо лег теплый войлочный плащ с башлыком. Обнажая запястья, обезображенные грубыми, свежими шрамами, задрались коротковатые рукава. Поморщившись, я поспешила их одернуть, не горя желанием лишний раз вспоминать о том, кто оставил эти отметины. Раны зарубцевались буквально на днях, да и то лишь благодаря чудодейственным мазям бабки Апаш.

Кстати, овечий помет наравне с кислым кобыльим молоком был основой для подавляющего числа лекарственных средств у кочевников — хорошо, что сие обстоятельство стало мне известно уже по-

¹ А ж д и м — ученица (стародарск.).

сле того, как отпала необходимость в дарстанской народной медицине.

Шаманка взгромоздилась на спину к Харунаку, покорно склонившемуся для своего «оседлания», и скомандовала отбытие. Фашана придержала полог перед «верховой» Апаш, но мстительно попыталась уронить тяжелую кошму на спину мне.

Не получилось. Чтобы приноровиться к каверзам, мне требуется теперь куда меньше времени, чем две недели назад.

...Шли довольно долго. Харунак, обогнув стойбище с запада, направился куда-то далеко «в поля». Под накипью туч окружающий пейзаж увязал в грязно-серой мути вечера, подгоняемого дождливой моросью. Каждый шаг по тропе давался с усилием — его приходилось вырывать у раскисшей почвы. Та отпускала сапоги неохотно, с недовольно сожалеющим чавканьем.

Вскоре к нам присоединились еще трое кочевников. Размытые дождливым вечером фигуры выросли неподалеку, точно из-под земли. Или точнее — из дождя. Я уж было обрадовалась, что сейчас устроюсь на спине одного из новоприбывших не хуже клановой шаманки, но, увы, никто не спешил мне навстречу с таким заманчивым предложением. Возможно, потому что мой вес будет поболее, чем у высушенной годами и степными ветрами старухи. Или, это вероятнее всего, потому что мы уже пришли.

В нос шибанула кислая до горечи вонь, щедро приправленная сладковатым навозным душком. Стараясь глубоко не вдыхать, смаргивая с ресниц слезы пополам с набегавшими дождевыми каплями, я попыталась осмотреться.

Толку от натянутаго второпях на четырех кольях навеса посреди чистого поля было немного — ветер почти беспрепятственно закидывал под него ведра воды. Сберегаемый между двумя кочевниками факел плевался и возмущенно фыркал в ответ на происки погоды. Проку от него было столько же, сколько и от навеса, однако на то, чтобы от увиденного к горлу подкатил душастый ком тошноты, освещения хватило.

Харунак присел, и шаманка, кряхтя, сползла с его спины в грязь, чудом не наступив на разбросанные рядом с лошадиным трупом внутренности вперемешку со слизью.

— Трехлетка еще с утра от табуна отбилась. Поискали вот... нашли, — дал несколько путанные разъяснения к происходящему низенький крепенький мужчина, державший факел. — Так я сразу сказал — не напрасно проливает слезы Великое Небо. Беда случилась. Апаш-амай звать надо.

«Пророк, однако». Да уж, тут трудно ошибиться в прогнозах...

Земля в ошметках точно перекрученных через мясорубку кишок была взрыта беснующимся в мучительной агонии животным. Металлический привкус чужой Силы вместе с дождевым холодком лхнул к коже. Не просто чужой — нечеловеческий. Я долго пыталась ухватить плавающее на краю сознания определение магического следа.

Железо?.. Ржа?.. Нет, не получается с ходу определить.

Удрученно прицокивая, шаманка с осторожностью обошла труп и нависла над развороченным брюхом.

— Дочка, давай сюда сумку. Смотреть будем, кто пришел. — Тяжелый хриплый вздох. — Хотя чего уж тут, понятно, что углядим...

Лямка тотчас соскользнула с моего плеча, кожаное днище сумки с хлопом впечаталось в грязь. Сухонькие старушечьи руки нырнули в матерчатое нутро, доставая оттуда набитый до отказа мешочек. Распустив стягивающий по горловине шнурок, Апаш, не скупясь, сыпанула порошкообразным содержимым на мертвую лошадь. Вопреки ожиданиям порошок не осел на шкуре серыми комками, а покрыл ее равномерным беловатым, чуть светящимся налетом. Он приобретал заметный рыжий оттенок на искромсанном животе.

— Подсветите-ка мне, старой.

Засмотревшись на страшные раны, не задумываясь, я сгенерировала светляк и сама себе удивилась — никогда еще прежде пользование Силой не давалось мне столь легко, можно даже сказать, естественно.

Кто-то неподалеку шумно выдохнул. Обернувшись на звук, я напоролась сразу на два подозрительных, на грани враждебности взгляда и с опозданием сообразила, что Апаш просила просто поднести факел поближе.

Вот идиотка!

«Кто именно?» Не шаманка, понятное дело, я. Удружила сама себе, ничего не скажешь! Сдала со всеми потрохами.

Сгусток света меж тем поднялся над нашими головами и завис почти под самым тентом. Налет на шкуре замерцал, рыжие провалы на нем налились красной медью, задвигались, складываясь в причудливую руну. Она на мгновение вспыхнула и потухла. Вместе с ней погасла и сверкнувшая в моей голове примерно на то же время догадка.

Апаш же, видимо узнав все, что было нужно, потеряла к трупу всякий интерес. Шаманка сунула мешочек обратно в сумку, указала мне на нее — мол, возьми — и заковыляла в сторону Харунака.

— Неси туда, где взял, сынок, — ворчливо приказала старуха.

Кочевник вновь смиренно нагнулся. Мужчины молчали — то ли традиция не позволяла задавать шаманке прямые вопросы, то ли

еще что. Лишь я, мучимая зверским любопытством, решила подать голос:

— Что это такое было-то?

— Жиз Тарнык в Шарип-тош-Агай за данью наведалась, — пропыхтела старая Апаш, взбираясь на спину к Харунаку. — Жизнями возьмет, слезами да горем. А может, и еще чем.

Кочевники вздрогнули, как по команде, и хором помянули «Великое Небо» и какую-то дальнюю родню «шелудивого пса и одноглазого шайтана» — видимо, про пожаловавшую в клан нечисть им уже приходилось слышать. В отличие от меня.

— Жиз... чего? — непонимающе переспросила я. — Это кто еще такой?

— Кто такая. Жиз Тарнык, — снизошла до ответа шаманка. — Медный Коготь.

«Медный Коготь, — вертелось в голове, пока я шлепала по раскишей тропе в сторону становища. — Медный».

И дождевые капли, собиравшиеся в уголках губ, тоже имели этот мерзкий металлический привкус...

ГЛАВА 2

Молясь об улучшении погоды, люди попрытались по юртам и старались без крайней нужды на улицу не соваться. Как назло, дождь лишь усиливался, точно намереваясь возвратить размоченные человеческие фигурки в первозданное состояние. Ведь согласно верованиям кочевых племен Дарстана первый человек — это кусок глины, оплодотворенный Великим Небом.

Кизяка осталось совсем немного, его берегли и жгли, только чтобы вскипятить воды для чая или похлебки. Надетый на меня ворох сырой одежды почти не грел. Время от времени ее приходилось сушить с помощью Силы, наплевав на конспирацию и косые взгляды.

Животный ужас, казалось, пропитывал войлок юрт и, испаряясь, отравлял воздух подозрением — он медленно, но верно въедался в людские души. Два последующих за страшной находкой дня стали для нас, да и для всего племени, просто кошмаром. Наутро, после той страшной ночи, обнаружили изуродованное тело одиннадцатилетнего мальчика, на второй день — обезображенный труп молодой женщины. А нынче, еще до рассвета, подняли крик в соседней юрте — там недосчитались годовалого малыша.

Медный Коготь вошла во вкус и, похоже, не собиралась умерять аппетита.

Шаманка таскала меня на осмотр каждого тела. Отговорки, что

я, мол, не судмедэксперт на выезде, не помогали. Мало того что ничего приятного в лицезрении трупов не было, так еще нервировали сопровождающие мое появление шепотки и взгляды исподлобья.

«*Время такое. Суровое*». Сама понимаю, но легче от этого почему-то не становится...

Еще в первый день наложением соответствующего амулета старуха проверила в становище всех до последней собаки, но результатов это, увы, не дало. Как не помогло и мое магическое зрение: рыжеватая дымка расползлась по всей округе, растворив ауры в грязно-медном тумане. Браслет тоже меня подвел — он постоянно был ровно теплым, намекая, что расслабляться не стоит.

«*Может, следует прогуляться с ним по округе темной ночью*». Может. Но до таких высот самопожертвования мне еще карабкаться и карабкаться.

— Ну как-то же эту мерзость раньше уничтожали! — Я просто терялась в догадках.— Почему сейчас ничего не выходит?

— Когда-то изничтожали,— вздохнула в ответ шаманка, перебирая в сухоньких ручках-веточках связку амулетов.— Да времени минуло с тех пор — кочевков не счесть... Ох-ох! То ли отвернулось от детей своих в гнев Великое Небо, то ли старая Апаш сердцем ослепла.

Само собой, я кинулась убеждать ее, что сердце Апаш зорко, как никогда, а Великое Небо если и отвернулось, то на секундочку.

— Будто прячет ее кто-то.— Вздох еще тяжелее прежнего.— А кто? Не свои же прячут, пришлые.

— Кого — ее-то? — поторопилась я отвлечь Апаш от скользкой темы «чужие среди своих».— Что за Жиз Тарнык такая?

— Проклятие степей. Само не приходит — зовут ее, уговаривают, жертвы сулят, дожидаются. Приходит в образе девичьем, силы немереной, с когтями острыми медными да голосом громким оглушающим. Дань щедрую собирает, дабы укорениться по эту сторону...

— Подождите-подождите, достопочтенная! «Девичий облик» солидно сужает круг поиска, разве нет? Можно же рассказать Талеген-даю или Айзуль-алым, а затем собрать всех девушек клана в одной юрте и подержать там пару деньков. При таком раскладе эта Жиз — тьфу, язык сломать — Тарнык сама себя выдаст!

— Увы,— покачала головой шаманка,— та, в чью душу вцепились медные когти, извернется и выскользнет, а невинные пострадают. Страх делает людей слепыми, а значит, жестокими, ибо не видят они того, что творят.

Да уж, трудно поспорить...

Несмотря на страх перед грядущей ночью, день тянулся тосливо-медленно. С починкой одежды было покончено вчера, Неотразимая обихожена по всем правилам, а сумки для путешествия в Разде-

ляющие горы собраны. Поцапаться и то было не с кем: Фашану забрал к себе отец, Кирина перетряхивала оружейный запас — трогать ее себе дорожке. Доводить Эону еще неделю назад стало просто неинтересно. Со скуки я решила поэкспериментировать с припрятанными до поры до времени трофеями.

«*Это еще зачем?*» Так, на всякий случай.

Приготовление оборачивающих зелий у меня было, как говорится, «на твердую троечку», да и то в теории. Впрочем, благодаря приобретенным на ритуале по инициации Избранной знаниям процитировать все три свитка «Снадобья для приема внутрь и наружно, суть коих переверот есть. Сысканы и упорядочены Ламбером Благочинным» особого труда для меня не составляло. Посему, выцыганив у Апаш закопченный котелок и недостающие ингредиенты, я решила поднабраться и практического опыта в зельеварении.

Змеиная кожа, шершавая и тонкая, как папиросная бумага, оказалась на удивление прочной. Для того чтобы покрошить ее на чешуйки, пришлось выклянчить у шаманки еще и острый ритуальный нож. Видимо, в опасении, как бы мне не понадобилось чего-нибудь кроме этого, Апаш скоренько засобиралась с визитом в юрту вождя — навестить ученицу и поговорить «о делах наших скорбных» с Айзуль-алым.

— Кстати, Кирина, помнишь, ты начинала рассказывать историю Проклятого Ублюдка? — Вода в котле никак не хотела закипать, а ингредиенты уже были накрошены и красивыми кучками разложены на покоробившейся, местами закопченной доске.— Веарьян Илиш который.

— Ну начинала,— без всякого энтузиазма к продолжению рассказа откликнулась неранка.

— Закончить не хочешь?

Угрюмое молчание.

— Ау, Кирина! Если ты не заметила, я тут вопрос задавала.

— Нет.

— Что «нет»?

— Не хочу.

— А если подумать? — Порой я бываю редкостной занудой.

«*Разве только «порой»? «Всегда» в данном случае более уместно».* Циц!

Кирина одарила меня далеким от дружелюбия взглядом.

— Ну Ки-и-ир, расскажи,— поддержала меня якобы собирающая вещи, а на деле тоже маявшаяся от безделья и бесцельно слоняющаяся по юрте туда-сюда Эона.

Неранка посмотрела на нас с тихой безнадегой во взоре...

...Береговые аристократы Идана¹ благородны и возвышенны лишь в песнях хорошо оплаченных менестрелей, а на деле — морским грабежом да мародерством уже который век не брезгают. По чести сказать, иначе там и не выжить: скалистое побережье Севера куда щедрее к хмарной нежити, нежели к пришлому человеку...

«Кушать-то всем охота, одним благородством сыт не будешь». Это верно — благородным и великодушным быть проще не на пустой желудок.

...Лесс Илиш был одним из тех прожженных вояк, кто не растерялся и о себе не позабыл в сумятице Второго Светопреставления — отхватил в собственность полуостров, острым зубом взрывающийся в море. Клык Шторма, как и его новый хозяин, не прославились гостеприимством: оба угрюмцы, каких поискать — колючие, неприступные, и у каждого в темном прошлом по куче изуродованных до неузнаваемости останков. А уж честолюбия у наемника — на двух герцогов хватало, да еще излишки остались.

Правда, Клык тот чуть о Неран не обломился, но Илиш был далеко не дурак, вовремя сообразил, что на контрабанде заработает больше и людей сбережет...

— Жалостливый какой-то, — засомневалась Эона. — Чересчур.

— Хозяйственный, — возразила я.

— Мне дальше рассказывать или вы еще пообсуждаете?

Мы тотчас заткнулись, глядя на Кирину преданными умоляющими глазами.

...Годы бежали — не заметишь, а дела потихоньку налаживались. На полуострове вырос замок с зубчатыми стенами, а у Илиша — наследник с дурной головой на широких плечах. Тесно ему стало у родителя под присмотром, захотелось подвигов великих, земель неохватных. Только вот незадача: надель задолго до его появления на свет расхватили те, кто поудачливее, породовитее, поспоровистей, уже папаше оставив лишь кусок скалистой бесплодной земли. За героическими деяниями в Разделяющие горы и ехать далековато, и снаряжение отряда в толинчик² влетит.

А когда обернуться нельзя, вперед усерднее вдвое поглядывают, верно?

Вопрос был риторический, однако это не помешало слушателям активно затрясти головами в знак согласия.

¹ И д а н — самая северная из провинций Великой Империи Тилан.

² Т о л и н — самая мелкая монета на территории Империи. Кроме медных денег в обращении ходили серебряные талены и полновесные золотые тиланы.

...Вот и стал наследничек вылазки на Проклятые острова тайком делать, лелея надежду когда-нибудь Земли Сумерек своими назвать. Так бы и сгинул благополучно, да старик Илиш подсуетился, потряхнул старыми связями имперского наемника: одним совсем не погожим денком появился у ворот замка один совсем не простой человек. Роста невысокого, внешности невыдающейся. Кто такой, откуда пришел, кроме владельца Клыка Шторма, доподлинно никто не знал. Может статься, и хозяин не ведал, только догадывался, а те догадки держал при себе.

Слухи, конечно, разные ходили — одни других надуманнее. Кое-кто аж отца-дознавателя в незнакомец признал. Ну это зря, конечно: в глушь северных провинций отцы-просветители и те не часто заглядывают...

Кирина вновь эдак нехорошо разулыбалась, что сразу становилось понятным, уроженки какого Острова отвадили ревнителей Веры от Иданского Побережья.

...Имени своего пришедший открыть не пожелал, но как-то незаметно местные стали называть его Дагой, что на староиданском «вечный» означало. Кто так пришельца первым кликать придумал, понятно, и не вспомнили. Да не суть дело...

Много времени на то, чтобы обжиться, чужаку не понадобилось: молодому Илишу скоро в доверие вошел, в думы тайные влез, переиначивая их по своему разумению. Вылазки на Проклятые острова стали приключаться все реже и реже, пока совсем не прекратились. Остепенился наследничек, жениться надумал, чтоб приданым немаленьким поживиться да крепче укоренить на скудной почве Побережья хиленькое древо рода Илишей.

А что с появлением чудодея за пару седмиц в окрестностях тройка-другая крестьян бесследно сгинула — разве ж это убыток? В годную зиму и то больше помирало...

Поняв, что на кизяке вода закипит хорошо если к завтрашнему утру, я решила ускорить процесс магическим способом. С ладони, обдав кожу жаром, в очаг стек язычок пламени.

...Меж тем стали в подвалах замка появляться создания разные: и не люди, и не нежить хмарная, а так, не пойми что — это пришлый маг со скуки в свободное время опытами противоестественными, чародейскими забавлялся. Еще по приезде он уговорился с Илишем-старшим, что чинить препятствий в досуге ему никто не взду-

мает. Вот и не препятствовали. Боялись. Подозревали всякое. Ненавидели. Но не мешали.

К тому ж в большинстве своем дохла нечисть довольно быстро.

Однако случались и исключения. И узнали об этом даже не тогда, когда ранним осенним вечером недоискались пришлого чудодея и обшарили подвал, а много, много позже...

Вода в котле наконец закипела.

— Кирина, обожди малость, а? — перебила я неранку, отвлекаясь от деяний давно минувших дней на текущие проблемы.

Подруга замолчала, передернула плечами — мол, сами упрашивали-умоляли, а сейчас рот затыкают — и демонстративно вернулась к выправлению наконечников для стрел. Эона недовольно сопела, поглядывая то на меня, то на Кирину, но свои претензии пока держала при себе. Ибо горький опыт подсказывал: если мы с неранкой затеем пикировку остротами, то услышать продолжения истории в ближайшее время точно никому не светит.

Воскресив в памяти рецепт из третьего свитка «Снадобий», я осторожно, по стенкам, влила в бурлящую жидкость настой змеец-травы и вытяжку из козьей желчи (две мерки первого и одну второго). Туда же всыпала высушенные в полнолуние семена ковыля (три щепотки), цветы тысячелистника (одна щепотка), измельченное корневище лихomanника (горсть) и накапала гадючьего яда. Дошла очередь и до плодов Верьяновой линьки: серо-зеленые хлопья ненадолго припорошили кипящее зелье, прежде чем я тщательно размешала его серебряной ложкой (кстати, клянчить ее у Апаш пришлось дольше всего), как того требовала рецептура.

— Ну теперь это выпаривать и выпаривать, — довольно выдохнула я. — Кирин, так что там с этим подозрительным магом? Любопытство же сейчас меня совсем заест!

Неранка для порядка выдержала обиженную паузу, после которой как ни в чем не бывало продолжила рассказ.

...Дагой исчез, будто и не было его никогда на Клыке Шторма — ни одна живая душа не видела, как маг покидал полуостров. Только в подвальной лаборатории нашлись кой-какие его вещички, среди которых было и замотанное в грудку тряпок странное яйцо: круглое, размером со здоровенный кочан капусты. Собрались уже все найденное с обрыва в море скинуть — от беды и отцов-дознавателей подальше, — только зашевелилось тут хмарово яичко, заскреблось что-то внутри, затрещала скорлупа. Народ струхнул, вон бросился, друг дружку с ног сбивая.

Пока хозяину доложили, пока ополчение да смелость собирали, немало времени минуло. Содержимое яйца так и вовсе пропало безвестно: лишь лужа слизи на полу и осколки скорлупы на старых тряпках. Перетряхнули замок сверху донизу, а толку — чуток и еще немножко. Зато беготни много было. И шума.

Наверное, поэтому в неразберихе да суматохе последующих дней почти никто и не заметил, что одним младенцем на Клык Шторма стало больше...

— Ты как считаешь, это Верьян был? — страшным шепотом поинтересовалась у меня Эона, пока рассказчица сделала еще одну паузу, чтобы промочить горло остывшим чаем.

— Да ну, навряд ли. — Не переставая ни на мгновение помешивать варево, я быстренько прикинула в уме, сколько минуло от Второго Пришествия — лет триста где-то, с гаком. Наемник выглядел от силы на двадцать пять — вряд ли он так хорошо сохранился, даже учитывая примесь горгоньей крови и, как следствие, нечеловеческую продолжительность жизни.

...Не одно поколение сменилось с той истории. Благодаря дальновидным брачным союзам род Илишей окреп, а хорошие прибыли от контрабандной торговли с Нераном позволили обрести желанный аристократический лоск, влияние и репутацию. Соседи побаивались, при императорском дворе открыто насмехаться остерегались. Правда, шушукаться и злорадствовать за спиной недоброжелателям никто не мог запретить — вот они и старались от души. Тем паче было над чем: браки во имя финансового благополучия рода редко когда предполагают неземную красоту нареченной, если не сказать наоборот. Оттого совсем неудивительно, что девицы Илиш ни разу не удостоились чести получить из Имперской Канцелярии приказ о назначении на должность фрейлин Ее Императорского Величества, а Клык Шторма время от времени пополнялся бастардами обоих полов.

Оттис Илиш, и поныне здравствующий хозяин полуострова, не был нарушителем установившихся традиций. Прижив от законной супруги двоих наследников мужеского пола и посчитав свой долг продолжателем рода более чем вытолненным, он с достойным лучшим применением рвением оделял своей благосклонностью хорошеньких служанок. Частенько это хозяйское «облагодетельствование» происходило против воли последних. А коли женихи у кого имелись, так святое право первой брачной ночи и поныне никто не отменил — дураков-то нет. И разве вина благородного господина, если какая-ни-

будь из осчастливленных им девиц вдруг оказалась столь слабого здоровья, что преставилась при родах? На все воля Единого...

— Мерзкая похотливая скотина.— Эону колотила дрожь, в глазах полыхали костры праведного гнева.— Я бы ему... я бы его...

Светловолосой явно не хватало лексикона для описания того, что она бы сделала с любвеобильным феодалом, окажись тот в пределах досягаемости.

— Похвальные намерения,— совершенно серьезно и безо всякого ехидства одобрила Кирина.— Жаль, неосуществимые.

— С хозяином, скорее всего, не поспоришь,— поддакнула я не-ранке и предположила: — Посадили бы строптивницу на хлеб-воду. Высыпали бы розог, вымоченных в морской воде. Или, на крайний случай, привязали бы к кровати...

Эона в который раз удостоила нас с Кириной взглядом, где священный ужас перемешался с восхищением и любопытством. Так, прогуливаясь в балаганном зверинце, зеваки глазают на клетку с ядовитой амбифсеной, чьи склочные головы готовы вот-вот вцепиться друг в дружку.

...То ли скончавшейся при родах служанке удалось затронуть-таки неприступное, как скалы над зимним морем, сердце Илиша, то ли хозяина замка терзало чувство вины, а может быть, он попросту вознамерился досадить законной супруге — так или иначе, папаша официально признал своим крепенького мальшиа, появившегося на свет при столь безрадостных обстоятельствах.

Нарекли ребенка со значением. Веарьян — «сторонний, особый» по-староидански. Вот и рос мальчик в стороне, обособленно — и не с господами, и не со слугами. Хотя и воспитывали Веарьяна вместе с законнорожденными сыновьями, наравне с ними обучали тому, что положено знать каждому отпрыску благородного семейства, забыть о «позорном происхождении» бастарду не давали ни на мгновение. Косые взгляды слуг, обидные насмешки и поколачивания сводных братьев, тихая ненависть лейди Илиш, показное пренебрежение редких на полуострове титулованных гостей.

Все закончилось для Верьяна на его тринадцатую весну.

Что на самом деле произошло в классной комнате в то злополучное утро между бастардом и его сводными братьями, доподлинно так и не прознали, а вот результаты ссоры довелось увидеть многим. Перекинувшийся Верьян чудом родственничков до смерти не покалечил. Больше обликом страхолудным перепугал: волосы-змеи и кожа в чешуе — они никого не красят, надо заметить.

Нагнал страху, а сам в бега подался.

Пара гильдейских из Службы магического дознания, вызванные наемным магом Илишей, прибыли в замок уже следующим вечером. Все-таки не каждый день объявляется давно вымершая нечисть. Вернее, с успехом истребленная...

Наследников Илиша приезжие маги в чувство быстренько привели. А следом и змееныша, дело понятное, в скалах отловили да облик ему человеческий вернули.

В ходе расследования всплыла из темных пучин преданий, казалось бы, навсегда там похороненная история с яйцом и загадочным магом. Любопытство дознавателей так одолело, что они не поленились за опытным некромантом в самую Ойстру¹ послать: как-никак более трех веков с тех событий минуло. Пока до сути доискивались, замковое освященное кладбище, где мертвецов со времени Светопреставления скопилось, как опарышей в теплом пережное, два раза перерыли.

А земляца в тех местах ой какая каменистая! Конечно, откровенничать Гильдия ни с кем не стала, да только там словечко, здесь намек — вот и поползла сплетня: дескать, Верьянова прапра... Хмарь знает, какая по счету... бабка по материнской линии была горгоньим отродьем, выпестованным заезжим магом. Будто бы дело вот как было: пока перепуганные слуги к господину за указаниями да оборонной бегали, в магов подвал заглянул на детский плач замковый истопник. Увидел, что младенец в мокрых тряпках копошится, вот и решил — колдун жертву для черного ритуала заготовил. Пригляделся, оказалось, девочка это: ладненькая, здоровенькая. А у мужика жена совсем недавно мертвого ребеночка принесла, умом из-за чего тронулась даже, болезная. В общем, долго над младенцем истопник не колебался, завернул в мешковину из-под угля — и ходу...

— Слушай, а почему из Верьяновых предков никто не оборачивался? — Я не удержалась и встряла с вопросом. — За три сотни-то годков горгонье наследие должно было либо себя как-то проявить, либо сгинуть вовсе и не отсвечивать.

Девушка пожала плечами:

— Вроде как до Верьяна мальчиков-полукровок у горгон не случилось. А вообще, хмарный демон их всех разберет! Ты лучше у гильдейских при случае поинтересуйся, а не меня пытай.

Уварившееся почти втрое зелье смачно хлюпнуло, привлекая мое внимание. Из бурого содержимое котелка стало ядовито-зеленым, намекая знакомым с рецептурой на свою скорую готовность.

Что-то мне подсказывало, что и Кирине тоже совсем немного осталось поведать.

¹ Ойстра — столица провинции Идан.

РАЗОБЛАЧЕННОЕ ПРОРОЧЕСТВО

О трилогии Юлии Морозовой «Телохранитель для мессии»

Послесловия принято начинать с предисловий, которые помещают автора в перспективу какого-нибудь течения жанра фэнтези или научной фантастики, проводят аналогии с более или менее классическими образцами или, на худой конец, разводят философствования на общечеловеческие темы. Иногда бывает полезно отступить от этого, особенно если материал предлагает такую возможность. Вопрос в том, каким образом она могла появиться.

Истоки сюжета теряются в глубине времен. Даже не припомню, сколько молодых Избранных, в подавляющем большинстве женского пола, случайно или наполовину умышленно пройдя через врата, порталы и прочие переходы в другой мир, принимали на себя тяжкий груз по спасению отдельного мира или мироздания в целом. Не стоит и говорить, что обычно это чрезвычайно самоуверенные молодые особы с непомерным ЧСВ (чувством собственной важности), которые, в силу новообретенных чудесных способностей, начинают крушить все вокруг и с особенным наслаждением издеваться над особями мужского пола, будь то даже безобидный гриб-лесовик или остроухий проказник-метросексуал. Здесь же имеется нечто вроде благословенного исключения.

Итак, Аурелия Иннокентьевна Каховская все же становится Избранной и попадает из унылого офисно-дворового пространства в сомнительное фэнтезийное благолепие. Правда, сомнительным оно становится несколько позже, но что привлекает внимание в первую очередь — это поистине фантастическое терпение главной героини. Она принимает как должное скучные и неубедительные объяснения власть предержащих, покорно становится одной из учениц боевого женского ордена и вообще проявляет чудеса адаптации, присущие скорее не городской девице, а какому-нибудь крестьянскому пареньку, прослужившему несколько лет в армии феодального лорда. Впрочем, многоступенчатая система обучения с лониями, алониями, алонами и аалнами вполне феодальна, как и контуры борьбы за власть, которые Лия начинает нащупывать, еще не зная о своем предназначении — вернее, зная лишь искаженные факты.

Боевое братство, существующее в других произведениях едва ли не до конца, разваливается, не успев сложиться. Впрочем, тут барышня начинает проявлять характер (и свои приобретенные знания, которые вполне умело раскрываются в текстовых вставках по ходу дейст-

вия) и мало-помалу расстраивать планы своих новоявленных благодетелей. Сначала это оказывается ей не под силу — как-никак задеты интересы императорской семьи, влиятельной герцогини и могущественной колдуньи, которая... хотя об этом нужно умолчать, чтобы сохранить интригу. В общем, все выглядит крепко и слаженно до тех пор, пока Лия, взявшая себе новое имя Рель, не совершает побег из-под чего-то непотребного, едва не произошедшего с ней после процедуры «иланения», которую неплохо бы применить ко всем нашим госчиновникам независимо от пола и возраста (теория священного брака между гражданами и государством зародилась в революционной Франции после превратного истолкования греческих трактатов, но даже Джордж Вашингтон одно время всерьез рассматривал ее). То-то была бы потеха! Но потом, честно говоря, все начинает рассыпаться на ряд эпизодов, которые лишь пунктирной линией доставляют главную героиню к следующему персонажу, поистине заслуживающему внимания. Действительно, правдоподобность или невероятность — кому как больше нравится — описаний уходит на задний план, в действии появляется некоторая натянутость, и ясно, что промежуточные действующие лица исчезнут без следа, как оно и происходит.

Пропуская массу интересных и значимых событий, как и полагается в послесловии такого рода, мы прибываем сначала к воинственным девицам, одна из которых должна стать пропуском для героини на загадочный остров Неран, где она предположительно найдет способ вернуться домой во всеоружии (об этом немного позднее, хотя и вопреки хронологии событий), и, наконец, к Веарьяну Илишу, горгону-оборотню и наемнику гильдии Магов, у которого есть свои далеко идущие цели. Этот типаж, безусловно, представлен во всех подробностях, включая его внутренний мир, раскрываемый во вставках второй и третьей книг эпопеи. Если бы он не имел большого значения (а по сюжету сначала вроде бы и не имеет), то автор, конечно, не стал бы уделять ему так много внимания. Более того, рискуя навлечь на себя неудовольствие многочисленных поклонников, я все же назвал бы его самым ярким героем трилогии. Так уж как-то получается, да и «бабушки» у него нет.

Надо полагать, что предательства Илиша, которые тот совершает охотно и во множестве, должны продемонстрировать его природу и одновременно укрепить героиню в решимости к достижению цели, которая, впрочем, периодически меняется под влиянием обстоятельств, что является обнадеживающим признаком, если не считать неизменного желания вернуться домой. Но каждой его измене сопутствует ловкий прием, почерпнутый не буду говорить откуда, о юные любители сериалов, а вернее — от самой жизни. Так уж он устроен, этот загадочный, местами ужасный, местами свойский и даже прекрасный герой, божество болотистых равнин, пронира и хитрец. В об-

щем, славный персонаж, но не под стать Аурелии, Лии и Рель в любой ее ипостаси.

Ее истинным антагонистом — по крайней мере, здесь — является император Дэрриш, обремененный наследием предков, но и сам по себе парень хоть куда. И конечно, со всеми отступлениями и второстепенными линиями, поле боя в этой книге принадлежит Дэрришу и Аурелии как наяву, так и в сновидениях благодаря соединившему их магическому обряду. Оба не имеют особых причин испытывать друг к другу нежные чувства, особенно Рель, которую с самого начала использовали в качестве бессловесного инструмента, но немного просчитались. Впрочем, и Дэш не выглядит убедительным в своей привязанности к герцогине Рианской, ради которой он якобы пошел на жертву в виде брака с Избранной. Вообще, тема высшего предназначения и осознания своего долга, навязываемая из-за кулис всеми вдохновителями конфликта, как-то проседает на фоне развития событий. Чувствуется, что автор хочет создать впечатление постоянного психологического надлома у главной героини, которая должна как-то реагировать на происходящее, но не понимает, почему из-за этого должны гибнуть окружающие люди, как близкие, так и незнакомые. Все, что ей нужно, — найти выход из ситуации со многими неизвестными, где слишком много работает против нее. Опять-таки остается лишь удивляться ее психологической устойчивости: как говорится, старая школа дает себя знать. Все остальное, включая битвы с магическими созданиями и чудесные побеги, образует лишь фон для ее внутренней борьбы.

Между тем Рель в определенной степени принимает на себя ответственность за новых подруг, неранку Кирину, которая должна доставить их на матриархальный остров, защищенный от магов Империи, и в еще большей степени за ее ученицу Эону, с которой ей приходится проходить значительную часть пути вдвоем. Бароны пируют, бароны воюют... Все их уловки и гнусности большей частью известны еще со времен сэра Вальтера Скотта, только у него не было такого джокера, как Верьян, обладающего способностью преодолевать практически любые преграды только для того, чтобы еще больше запутать ситуацию. Ясно, что мальчика сильно обижали в детстве, но для появления чего-то подобного нужны действительно сильные средства, о которых я не рискну даже упомянуть здесь. Хотя кто захочет, тот догадается. В общем, попеременно спасаемые и предаваемые Верьяном (а также преследуемые магами Империи и весьма заинтересованным императором), отважные девушки почти достигают цели своих странствий... и здесь я снова вынужден умолкнуть, чтобы не раскрывать интригу, пусть даже она известна тем, кто читал романы по отдельности. Скажу лишь, что Рель (пока остановимся на этом имени) все-таки попадает на остров Неран, где находится вожделенный артефакт — Кольцо

Пути, которое должно вернуть ее в волшебный мир офисов и пятиэтажек.

Матриархальный быт описан довольно подробно и с некоторым знанием дела. Когда-то довольно давно мне пришлось столкнуться с одним из его проявлений на дальней восточной окраине нашей великой страны, и я до сих пор вспоминаю об этом с содроганием, хотя это было не похоже на Неран с его «красными фисскусами» и мягким садо-мазо, но надо делать скидку на молодость. Здесь Рель довольно быстро обнаруживает, что к ней все равно относятся настороженно и не принимают в свой круг, несмотря на легендарный клинок, принадлежавший древней воительнице. Если мир женщин и не наполнен открытым насилием, то злодейств и интриг в нем, по крайней мере, не меньше, чем там, где номинально правят мужчины. Последнее замечание не случайно, так как чисто во властной сфере происходит противоборство именно между двумя женщинами, о котором Рель не имеет ни малейшего представления практически до самого конца.

Что еще можно добавить, кроме общих фраз? Завершающая часть третьей книги («Знак Единения»), на мой взгляд, написана наиболее сильно и цельно, хотя финальная кода и требует чего-то возвышенного. Но автор находит оригинальный способ разрыва и соединения, казалось бы, окончательно определенных сюжетных нитей (опять-таки благодаря моему любимому персонажу Верьяну, выступающему в двуликкой ипостаси злодея Локи и хитреца Рига), что придает повествованию самодостаточность, не нуждающуюся в продолжении, за исключением дальнейших походов выброшенного за борт истории блестящего горгона. Но он своего не упустит, и за него можно не беспокоиться. Аурелия же, похоже, нашла временную остановку на своем пути, а в жизни любой счастливый миг может продлиться целую вечность. Пусть это послужит утешением для читателей и особенно для читательниц, которые ожидают дальнейшего развития событий в духе «Унесенных ветром». Боюсь, не дождетесь, благо есть мудрое авторское заключение:

«Все проходит. Так или иначе. Рано или поздно.

Проходит все. Хорошо это или плохо?

Это правильно».

Как сказал Джон Рёскин, «all things must pass, but there are things that remain untraversed and unsurpassed» («Все вещи преходящи, но есть вещи, которые останутся непреложными и непревзойденными»). Давайте же удовлетворимся этим.

Кирилл САВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ ДЛЯ МЕССИИ	7
ДОРОГАМИ ПРОРОЧЕСТВА	233
ЗНАК ЕДИНЕНИЯ.	461
<i>Кирилл Савельев. Разоблаченное пророчество. О трилогии Юлии Морозовой «Телохранитель для мессии»</i>	695